

Джелли Берри

16+

Пламенная кровь

АКТ 4

Дочь Солнца

Джелли Берри

**Пламенная кровь.
Акт 4. Дочь Солнца**

«Автор»

2026

Берри Д.

Пламенная кровь. Акт 4. Дочь Солнца / Д. Берри — «Автор»,
2026

Четвертая, заключительная часть цикла "Пламенная кровь". 4\4 С первой книгой "Пламенная кровь. Акт 1. Белые плащи" можно ознакомиться бесплатно для комфортного погружения в мир. Теперь она Дочь Солнца, а не Лея. Она больше не робкая и пугливая девочка, найденная Августином в Черном лесу — отныне она та, что положит конец рабству и гнету белого ордена. Прибыв с Августином в Норквиль, она смогла заручиться союзниками и армией, и, явив северу свой дар, покорила тысячи сердец. Разве этого недостаточно, чтобы одолеть столицу? А если цена свободы выше? Впрочем, о жертвах придется задуматься всем сторонам в этой войне. И, увы, порой жертвы настолько велики, что победа мало чем отличается от поражения.

© Берри Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джелли Берри

Пламенная кровь. Акт 4. Дочь Солнца

Глава 1

Малиновое небо заполонил дым, и густое белое облако превратилось в серое. Солнце погасло часом раньше, но незаметно пришедший закат возгорелся вдвое ярче чем дневная заря. Не будь этого дыма, закатные лучи горели бы ярко-красным, как пролитое на простыни терпкое вино, но сейчас они тускнели, как покрытый толстым слоем пыли рубин. Фросс, подняв голову к небу, задумался о том, что давно не видел его ясным — и дело не в тумач или туманах, а в треклятом дыме, отравляющем воздух последний месяц. Лагерь Мратовских воинов погряз в огне, и палатки превратились в огромные лесные костры, да такие великие, что даже холодные ветра и изредка падающий снег не мог их остудить. Как давно их армия покинула Ровель? Этой ночью их разбили почти вдребезги, но остатки вражеских солдат все еще удирали на боевых конях в сторону Норквиля. Они и впрямь тупоголовое зверье, если полагают, что в другом северном городе их не ждет ответный удар, думал Фросс, восседая на черном седле. Прогнать тысячное войско помог лишь огонь, но его заслуги не оценили по достоинству — вся хвала оказалась в руках генерала Филлипа Морли, чья задумка превратить врага в пепел увенчалась успехом. Однажды и я стану ему ровней, вздохнул молодой Фросс, прежде чем дернуть поводья и развернуть своего коня к городу. Выжженная земля казалась ему все такой же горячей, как лава, и Фросс побаивался, как бы подкованные копыта его скакуна не расплавились в теплой бурой почве. Он держал поводья, скрипя зубами от боли; ладони офицера стерлись в кровоточащие мозоли от рукояти меча, а пальцы отмерзли настолько, что небось отвалятся к завтрашнему утру. И все же эта боль отдавала сладким послевкусием — благодаря ей, Фросс чувствовал себя живым среди павших солдат. Трупы, обожженные и обезглавленные, валялись под копытами кучами, и смотря на них сутками напролет, невольно забываешь, что твоя голова все еще на плечах.

Ровель был окружен палатками, и его высокие недружелюбные стены возвышались над остроконечными шатрами, как морские скалы, отполированные громоздкой волной. В одной из таких палаток Фросс проводил мирные ночи, предаваясь молитвам. Он помнил о Солнечном Боге, благодаря которому его тело не лежало рядом с другими товарищами. Видно, они молились тише и реже; а может в них не было столько веры, сколько в молодом Фроссе. Он, тем не менее, держал путь к другому шатру, вдвое больше его спального. Там собирались юные капитаны и старые генералы — в этом месте звучали не молитвы, а подсчет. Вместо божественного лика они смотрели на карты, а вместо веры они полагались на ум. Филипп Морли обладал сильным умом и слабой верой, но, как и Фросс, он был жив и здоров. Однажды и я буду полагаться на ум, а не на свое солнце — снова подумал офицер, вспоминая тяжелейший взгляд генерала Морли. Возле палаток кружили Пламенные, человек тридцать, и вились они над воинами как пчелки над цветами. Фросс редко обращался за помощью — все же он надеялся, что его тело крепче цветка.

В шатре, ставшим убежищем для военного совета, было всего два человека, хорошо знакомых Фроссу. Он замер в пурпурных складках, когда пшеничная коса Аглаи Кольт, в девичестве Эриксон, мелькнула при свечах. Адриан держал косу девушки в своих ладонях, поглаживая русые звенья с улыбкой на губах, пока голова Аглаи покоилась на его плече.

— Кто пустил женщину на военный совет? — недовольно буркнул Фросс, не двигаясь с места. Складки шатра елозили по его чешуйчатой броне, развиваясь на ветру. От холодного

сквозняка Аглая поежилась и укуталась глубже в медвежью шкуру, однако ее круглый от беременности живот заметно торчал даже под слоем теплой одежды.

— Если военный совет слабеет от присутствия женищины, это проблема военного совета, а не моя, Беренгар — ухмыльнулась Аглая, и Адриан приглушенно хохотнул, — я слышала, что женищина на корабле — плохая примета. К счастью, мы далеко от моря.

— Ты беременна, Аглая. Твое место где угодно, но только не на войне, — проигнорировав ее замечание ответил Фросс и наконец нашел в себе силы пройти вглубь. Адриан смотрел на жену с любовью, и его взгляд казался горячее сожженного поля после битвы. Молодой капитан Адриан отличался здоровым крепким телом и широкими плечами. Аглая рядом с ним была мельче таракана, но язвительности в ней при всей хрупкости было больше, чем мускул в теле мужа.

— Моя жена носит под сердцем первенца, твоя правда. Но именно поэтому я хочу, чтобы она была рядом, — русая голова Адриана повернулась к черной голове Фросса, и тогда он увидел ласковую улыбку на его тонких губах, — так воевать проще. Аглая — единственная веская причина не помереть в бою.

— Это эгоистично, Адриан, — сохраняя недовольство отвечал Фросс, — госпожа Аглая здесь, чтобы радовать тебя своим присутствием, но это может стоить ей жизни. Мы на войне, а не в славном путешествии на севере.

— Ты так уверен в том, что я не смогу защитить свою жену? — хмыкнул Адриан, прижимая Аглаю ближе к себе, — я думал, твое мнение обо мне не столь скверное.

— Удивительно, что тебя так заботит моя сохранность, — заметила девушка, — так значит, я мешаю тебе только своей женской хрупкостью, Беренгар?

— Твоя ловкая игра фактами и подмена действительности тоже шибко мешает, — Фроссу сильно не нравилось то, что Аглая надумывает себе особую значимость для него, но он сам дал ей повод, — в любом случае, если хотите нежиться в объятиях друг друга, идите в шатер Адриана. Там условия располагают больше, чем на жесткой скамье военного совета.

Фросс не ждал их ответа — вышел из палатки, вновь запустив холодный сквозняк. Безрассудная семейка Кольтов досаждала ему уже не первый день. При всем своем мужестве, Адриан оставался податливым и мягкотелым рядом с женой, и эта слабость сильно отвержала Фросса. У влюбленных разница в возрасте десять лет, но рядом с Аглаей, Адриан вел себя как незрелый мальчик. Разве можно стать великим, имея слабости? К удивлению Фросса, у Адриана это все равно получалось. Его имя славил в армии, оно оставалось на слуху у лордов и рыцарей, и звучало громче, чем имя Фросса — его же имя почти никто не произносил. Только Аглая позволяла себе эту дерзость. Называя его по имени, она словно нарочито напоминала офицеру о том, что оно есть, и о том, что оно ничего не значит. Встав посреди своего спального шатра, Фросс ощутил, что ему стало дурно: сняв с себя броню и оставшись в одной рубахе он заметил, как белый лен облачается в красный. Пятно было мокрым, и свежая кровь продолжала багроветь на его жесткой коже. Ссадина кровоточила в боку, но Фросс наотрез не мог вспомнить, откуда она там взялась — а к боли от ранений он так привык, что порой вовсе ее не чувствовал. С неприязнью отметил, что нужно звать Пламенных, и с неприязнью он осознал, что без их дара он слаб, как Адриан без Аглаи. Пока я полагаюсь на кого угодно, кроме себя, я не стану великим, думал он и тем не менее рыскал в лагере в поисках рыжих голов и золотых глаз. Палатки стояли вокруг как неопрятные кусты, растущие среди грязи и навоза. Развешиваемые на ветру складки покрылись влажной почвой вплоть до середины и оскверняли собой великий пурпурный цвет, цвет Эфирита, цвет династии, цвет Солнечного Бога. Такой же грязной была Пламенная, которую он заметил возле скулящего солдата с пронзенным стрелой бедром. Без лишнего слов он потащил ее в свой шатер, оторвав ее тело от умирающего воина. Бесцеремонно схватив ее за грязный рукав шерстяного платья, он шагал к своим покоям, минуя стонущих солдат.

— Я должна и им помочь тоже, — вдруг вспенилась Пламенная, выдернув руку. Фросс посмотрел на нее через плечо и сморщился. У девушки, его ровесницы, были короткие прямые волосы, блестящие огненным бликом при свете вечерних костров. Под малиновым небом они казались ему розоватыми, как и ее глаза — они были такими необычными, словно сделаны из розового золота. На лице, к тому же, у нее нарисованы невнятные узоры — завитушки на лбу и щеках, оставленные желтой краской.

— Жизнь офицера в десять раз дороже, — процедил он и снова повел ее за руку в свой шатер. Девушка брыкалась недолго, а успокоилась только после того, как споткнулась о труп. Этот мужчина умер не от ран, а от болезни, и лежал он в земле почти что черный от гноя.

— Зачем вы ведете меня к себе? Я могу за неуловимое мгновение исцелить вас и здесь, — упрямилась Пламенная, и Фросс раздраженно дернул губой. Еще никогда рыжие рабы не выказывали такое упорное неподчинение.

— Приказ офицера не обсуждается, — отрезал он. На самом деле, он не хотел, чтобы другие видели его слабость. Если солдаты заметят, как он молит об исцелении рабыню, его имя никогда не запомнят.

В его шатре, где помещались лишь жесткая деревянная кровать, присыпанная соломой, и маленький столик со свечой и картой, Фросс наконец смог выпустить руку Пламенной. Он откинул ее так, будто отвесил тяжелую пощечину, и задрал рубаху, чтобы одаренная залатала его без лишних вопросов. Тело молодого офицера было бледным, холодным, но кровь на его боку казалась яркой и горячей. Девушка протянула к нему светящиеся ладони и почему-то заглянула в его глаза, да так пристально, что у Фросса перехватило дух. Она сощурилась и наклонила голову в бок, пока ссадина постепенно затягивалась и бесследно исчезала.

— Ваша рана стара, но кровь свежая, — заговорила Пламенная без разрешения, — она могла убить вас. Кровь хлестала как молоко из коровьего вымени, и если бы не я, ваша плоть бы сгнила.

— Хочешь особой благодарности? — ссадина исчезла, и тогда он снова откинул руки Пламенной от себя, — это твоя обязанность. Ты должна исцелять, не ожидая ответной милости.

— Я и не ожидаю, — хмыкнула Пламенная и сделала два шага назад. Ее пристальный взгляд мешал Фроссу свободно дышать, — но я полезна не только исцелением. Во мне живет и другой дар. И благодаря ему я вижу рану гораздо глубже этой ссадины.

— Шарлатанство меня не интересует, — Пламенная ухмыльнулась, когда услышала в его голосе каплю сомнений. Ее слова, очевидно, задели за живое. Он хотел бы прогнать девушку, чтобы ее одаренные руки не принялись копаться в его душе, но что-то мешало ему сделать это — наверное, ее пронзительный неумолимый взгляд, сбивающий ритм сердца.

— Мои золотые глаза видят гораздо больше, чем у других Пламенных, — она загадочно улыбалась, наворачивая круги возле Фросса, и тот ощущал, как тяжело дается ей отвечать, — скажите мне, офицер, разве вы не хотите узнать свою судьбу?

— Она мне и так известна. Я стану генералом. Великим, — отчеканил он, и Пламенная снова опустила ехидную усмешку. Ее пухлые губы изгибались самым неприятным Фроссу образом, и ему хотелось вмазать по ним кулаком.

— Вижу генерала, — согласилась девушка, — вижу почет, уважение, страх. Вас будут почитать, уважать и бояться. Вижу улыбку на королевском лице, когда оно будет повернуто к вам. Вижу любящую жену, но эта женщина не та, кого вы желаете.

— Что за чепуха? Моя жена носит моего ребенка, — гаркнул Фросс, схватив Пламенную за руку, — если бы не желал ее, не сделал бы своей женой.

— Есть другая женщина, которую вы желаете, тоже носит ребенка, только не вашего, — у него снова перехватило дух, и шумный вздох застрял в горле. Аглая..., — а женщина,

ставшая вашей женой, принесет вам только разочарование. Подождите немного, и вы будете желать не ее, а ее смерти.

— С чего бы это? — Фросс уже не мог скрывать своего любопытства. Все свои двадцать лет он остерегался шарлатанов и колдунов, зная, как путаны сети их предсказаний, но сейчас он не может вынудить себя закрыть уши.

— Она родит вам дочь, и дочь эта станет вашим проклятием. Когда дочь полюбит мужчину, он заберет сначала ее сердце, а потом ваше.

— Исключено, — сквозь зубы процедил Фросс, чувствуя, как ярость пылает в его груди, — мое семя не породит женщины. Я буду отцом сына — и в этом я уверен не меньше, чем в том, что стану генералом.

— Ошибаетесь, капитан. Родится у вас дочь, и день, когда любовь поглотит ее душу, станет для вас последним. Дочь будет хороша собой: тонка, как струна арфы, и легка, как ее песня. И мужчина, полюбивший ее, однажды принесет ей вашу голову, как трофей.

— Ложь, — он толкнул Пламенную, и она едва не вывалилась клубком из шатра. Покачнувшись и с трудом удержалась на ногах. Офицер схватил ее короткую негустую копну волос в кулак и оттянул назад с такой силой, будто хочет сорвать с нее скальп, — дочери у меня не будет. У меня будет воин: непобедимый и великий, по моему подобию.

— Вы воспитаете воина, но в женском обличи, — продрогшей улыбкой ответила Пламенная, — и чем краше она будет, тем скорее вы найдете свою смерть в том, кто похитит ее сердце. Знайте — как только это случится, ваше сердце тоже будет похищено, да только по-настоящему, прямо из грудной клетки.

— Если я воспитаю воина, то воина с каменным сердцем. И покуда оно каменное, похитить его невозможно.

— Под оболочкой из камня будет прятаться чуткость и нежность, капитан. Уверю вас — однажды мужчина пробьет ее броню. Придет за вами. И тогда вы встретите смерть. Никакое величие вас не спасет.

— Да будет известно тебе, что родись у меня дочь, никакой любви ей не светит, — Пламенная разинула веки шире и безумно улыбнулась, увидев страх в лице Фросса. Первобытный испуг, которого он никогда в жизни не испытывал, окатил его с головой. И только Пламенная понимала, что ему суждено испытать его вновь — когда дочь его будет держать в руке мужскую ладонь, а не меч.

— Как вам угодно, капитан.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ ДОЧЬ СОЛНЦА

Раскинув деревянные ставни, усыпанные сапфирами и изрезанные узорами, я посмотрела на внутренний двор замка — небольшой квадрат заснеженной земли, где резвились Иванна и Феодор. Солнце выглянуло на небо еще утром, прогнав облака и метели, и весь Норквиль мерцал под его светом, как начищенный до блеска хрусталь. Коридор, где я стою незнамо какой час, кишит прислугой: прачками, чашницами, полумойками. Они наводят порядок к долгожданному на севере празднику — Зимнему Затишью. На юге его не праздновали, в столице о нем даже не говорили, и суть этого праздника мне была не ясна. Как упоминала Аглая, северяне в февральскую неделю благодарят Буревестника за холодную зиму, закалившую их тело и дух.

— Не обращай внимания на суету. В замке не будет пышных празднований, — вдруг послышался голос Софии, что была одета, тем не менее, празднично — в платье из синей шерсти с белым соболиным мехом на рукавах и воротнике, — замок, пускай и готовится к февральской неделе, не празднует ее уже двадцать лет.

— Почему? Я думала, Норквиль считается сердцем севера, где Буревестника чтят, — я видела, как Феодор взял в руки охапку снега и осыпал голову Иванны, из-за чего она звонко заверещала. Он намылил холодной белой мякотью ее лицо, и оно густо покраснело, а на щеках выступили замершие капли. София, тоже наблюдающая за ними, утомленно вздохнула.

— Как только я стала женой лорда-наместника, я приказала прекратить праздники в честь Буревестника при дворе. Все же я дочь Сонцето, династии, благословенной Солнечным Богом. Если семья Рейси желает и впредь быть в тесной дружбе с тронем моих предков, так пускай не страдают инакомыслием. Простолюдины могут почитать кого угодно, но мы, правители, должны быть верны только одному солнцу, — я оглянула Софию и беззвучно ахнула, увидев роскошную тиару из серебра в ее каштановых распущенных волосах. Сапфировые ромбы чередовались с кварцевыми овалами — эта тиара выглядела роскошнее короны короля.

— Крестьяне празднуют февральскую неделю? — я снова посмотрела на двор и заметила, как Иванна обиженно надула губы и отвернулась от брата. Тот, пытаясь ее рассмешить, корчил рожицы и изредка сам омывал свое лицо снегом: вел себя так, будто ему десять лет, а не шестнадцать.

— Разумеется. Северяне видят снег чаще, чем солнце. Даже жаркое лето не в силах избавить их от любви к Буревестнику.

— Милорд Феодор рассказывал, что Мрат тоже видит снег чаще, чем солнце, но, тем не менее, у них совсем другое Божество, далекое от метель и холодов.

— Мрат снежен, это правда, но снег их так не закаляет, как людей из Эфирита. Там люди рождаются закаленными. А еще Мратовцы видят уязвимость снегов, — я подняла на леди непонимающий взгляд, гадая, как можно считать холод уязвимым, и она пояснила, — в их государстве протекает сотни горячих ручьев. Горячие пруды в их заснеженных чашах вынуждают снег таять.

— Разве такое возможно? Как вода может быть горячей на холодной земле?

— Ох, Лея, милое создание, — ухмыльнулась София без всякого осуждения, — я заметила, что ты не знаешь многих вещей. Кажется, будто наш мир тебе совсем незнаком.

— Вы не далеки от истины, — пожала плечами я, — мне и впрямь многое неведомо. Вам известно, что я не прихожусь родственницей Хорватам. Я вовсе не близка к знатному роду, и кровь в моих жилах ничуть не благородная.

— Твоя кровь, может, и неблагородная, но мы обе понимаем, что она необычная, — леди, заметив мое смущение, решила не допытывать меня вопросами и перевела тему, — Зимнее Затишье вынудило нас отказаться от дискуссий о войне. Сегодня, тем не менее, беседа состоится. Больше у нас нет времени.

— Премного согласна с вами, миледи, — я легонько поклонилась, вызывая в Софии странную усмешку. Она оглядела меня мельком с презрением, а после удалилась к лестнице в чертог. Я смотрела в ее спину, где рассыпались каштановые волны, а после перевела взгляд обратно к окну. Иванна и Феодор уже ушли со двора, и тогда я решила прикрыть оконные ставни, прежде чем вернуться в свои покои. Остаток дня до нашего собрания я намеревалась провести в спальне, но мое любопытство отвело меня от коридора к комнатам. Я решила побродить по замку; в голове у меня беспрерывно звучали слова Аглаи, о том, что северяне любят легенды и предания, и зачастую их вера гораздо шире, чем у людей на юге. Разговор с одним из простолюдинов, рожденным и прожившим на севере всю свою жизнь, мог открыть мне глаза на истину; возможно, в его устах мелькнет и упоминание Черного леса. По крайней мере, у Аглаи нередко выскакивали упоминания об осведомленности северян о нечисти и прочих загадочных существах.

Я вышла к открытому проходу между башнями и потопала к дубовой двери напротив. Ветер здесь ощущался явнее, и его порывы иногда били так сильно, будто они желали скинуть меня на землю. Северное платье и шаровары под ним трепались и шелестели, а мои ржавые

пряди поднимались высоко над головой и порой залезали прямиком в рот и нос. Хорошо, что повязка на глазу держится прочно, и никакое дуновение не сорвет ее с моего лица. Отсюда мне виднелись резные кровли замка, его украшенные рудой стены и искусно сделанные оконные ставни. Выглядывали проплешины дворов, открытых кузниц и учебных военных полей. На другой стороне стоял гарнизон, но с этого расстояния люди были не больше сапфиров в тиаре Софии. Насаженные на пики головы, тем не менее, я видела отчетливо, и с ужасом понимала, что на стены повесили новые. Возле врат, над шипастыми рвами, торчало пять новых голов, посиневших и покрывшихся инеем. Я зашагала быстрее, чтобы перестать их видеть, и вскоре достигла тяжелой двери — толстой, как здешние каменные стены. Открыть ее далось с трудом, поскольку ветер подгонял ее обратно, но она чудом мне поддалась, и тогда моему взору открылись долгие извилистые ступени вниз. Они привели меня к кузнице, спрятанной в самом низу башни. Воздух здесь горячий, вязкий, и дышать оттого сложнее с каждой пройденной ступенью. Стены голые, без узоров, покрытые влагой и копотью, чернели у низов. Создавалось ощущение, будто я спускаюсь в глубокую шахту, или, чего хуже, в ад — искры от наковальни разлетались высоко над молотом кузнецов и ярко возгорались от каждого удара. Стук, звон, лягг — шум в кузнице стоял невыносимый, такой, что он заглушал не только шепот, но и громкий голос. Хотя, наверное, люди здесь всегда молчали или вовсе не умели говорить. Толку от их языка немного, ведь работали они исключительно руками.

Встав у начала ступеней, я осмотрелась по сторонам прищуренным взглядом. Жар стоял невозможный; от него у меня слезился открытый глаз и пересыхало во рту. И как кузнецам удастся сохранить зрение — может глаза их тоже сделаны из руды? Печи горели, молоты били, сталь ковалась — помещение, отведенное кузницам, и впрямь походило на преисподнюю. Я насчитала не меньше двадцати мужчин, что кропотливо плавил металлы и создавали из них не то клинки, не то чудо. Острые, на вид легкие, с изящными рукоятями и ярким бликами. Кто-то работал с оголенным животом, кто-то оставался в одежде, но у всех, у голых и одетых, были черные пятна. У одних на волосатом пузе, у других на серых кафтанах.

— Милорд Товен и леди София приказали кузнецам соорудить сотни кольчуг, мечей, щитов и топоров, — повернувшись на мужской голос, я увидела Августина, стоявшего со сложенными на груди руками, — все кузницы, работающие в замке, заняты огромными заказами.

— Почему только те, что в замке? — спросила я, и Август перевел взгляд на меня. Огни и искры отражались в туманном зареве его серых глаз, — заказ будет исполнен скорее, если к нему приступит весь город.

— У вольных кузнецов появятся вопросы, — спокойно ответил тот, шагая мне навстречу, — а от их вопросов поползут слухи. Понадобится немного времени, и эти слухи достигнут столицы.

— Ты здесь, чтобы проследить за работой? — Августин вздохнул нагретый воздух, пропитанный ароматом плавкого металла. Он качнул головой в сторону кузнеца, что трудился над щитом из металла. Присмотревшись, я увидела выпуклое лицо на щите — лицо старого мужчины с гладкой кожей, длинной бородой и пустыми глазницами, над которыми насупились пышные брови.

— Я хотел получить щит. Его куют для меня.

— Что за лицо на щите? — а лучше спросить, зачем оно. Щитом, вроде как, нужно обороняться, а не красоваться.

— Лик Буревестника, — вместо Августа мне ответил кузнец, лицом поразительно схожим с лицом на щите. Такой же бородатый, с пушистыми бровями, сведенных к горбатой переносице. Щеки у мужчины румяные от жара и морщинистые от возраста, а борода почерневшая и обсеченная. Несмотря на старость, кузнец был мускулистым, с рельефными буграми на руках и плечах.

— Хочешь пойти в бой под благословением Буревестника? — с ухмылкой спросила я у Августина, но тот повел плечами.

— Полагаю, на севере его поддержка сильнее, чем поддержка солнца, так почему и нет?

— Это священное право — создавать лик Буревестника в февральскую неделю, — снова ответил кузнец и повернул лысую голову к нам. Его глубоко посаженные глаза были бледными, почти белыми, а взгляд казался тяжелым, — Зимнее Затишье дарует нам благословление. Буревестник поведет вас в бой, наделив северной закалкой.

— В городе, где нас поджидает бой, Буревестник слаб и глух, — тихо сказала я, и мой голос почти растворился в звоне молотов. Кузнец ухмыльнулся, будто воспринял мои слова за шутку, и снова вернул внимание к возгорающимся углям в широкой жаровне.

— А почему ты здесь? — спросил Августин, — тоже желаешь получить щит?

— Не щит. Знания. Аглая говорила мне, что северянам известно больше, чем нам кажется.

— Тогда ты ошиблась местом. Здесь люди предпочитают молчание долгим разговорам.

— Как посудить. Девочка во многом права. Наша память и впрямь прочнее, чем у южных господ, — отозвался старый кузнец, — то, что мы воспринимаем за правду, в столице называют сказками.

— Что, например? — аккуратно спросила я, выглядывая на мужчину испод ресниц.

— Парень тоже во многом прав. Молчание мы предпочитаем долгим разговорам, — я разочарованно поджала губы, понимая, что зацепок здесь не сыскать, но кузнец продолжил, — в замке есть немало болтливых слуг. Даже умные имеются. Если тебя интересуют наши мифы, лучше поговори с писцами. Они говорят пером и чернилами, но беседой вас не обделят.

— Благодарю за совет, — задумчиво ответила я, — но где мне их искать?

— В западной башне. Они просиживают зад в местных библиотеках, — он протер влажный лоб огрубевшей ладонью и оставил на коже размашистый черный след, — Писцов у нас не так много. Все же северяне обычно предпочитают залежи руды, а не пергамента.

— Леди София желает провести сегодня собрание, — сказала я, обратившись к Августу, — как только оно начнется, найди меня. Я хочу присутствовать.

— Мне не отправиться с тобой? — тихо спросил Августин, встав ближе. Он взял мою ладонь в свою, смочив мои пальцы своей испариной.

— Я справлюсь сама, — мой ответ немного опечалил его, но он одарил меня понимающей улыбкой, а после выпустил. Я осмотрела влажные лица кузнецов, всецело погруженных в свое ремесло, и подалась обратно к лестнице.

Проходы в западную башню тоже были на поверхности. Открытые под лазурным небом коридоры пустовали, но некоторые из них были полны часовыми, охраняющими покой вблизи замка. Стужа, бушующая за городскими стенами, ничуть не тревожила жителей Норквилля, и пока я осматривала заснеженные дали, удивлялась тому, как город сохраняет безмятежность. Интересно, как выглядит город летом? Наверняка он не обременен невыносимым пеклом. Может, когда снега тают под летним солнцем, окрестности северных городов наполняются водой, и их окружают не сугробы, а настоящие пресные моря. А дороги, покрытые льдом, превращаются в водные каналы, и люди передвигаются по ним на лодках. Все же, как бы мне не было любопытно увидеть Норквиль в летнюю пору, я надеюсь, что мы здесь до нее не задержимся.

Западная башня была самым тихим местом в замке. Слуги здесь не маячили и заходили сюда редко, если судить по толстым слоям пыли на коврах и густым паутинам под плинтусами. Береста в факелах окаменела, точно ее разжигают раз в столетие, и потому коридоры западной башни полны мрака и холода. Свет проникал лишь через отверстия окон, но вместе со светом сюда забирался холодный воздух. Первая попавшаяся на пути арка привела меня к стеллажам и полкам из дерева, к низким продолговатым столикам и стоящим вразброс табуретам. Книг,

тем не менее, много не было, и большинство полок были полны плесени и пыли. Пространство огромное, но пустое, и самым примечательным здесь был потолок — он высокий и купольный, с нарисованными глазами. Стоило протий несколько высоких стеллажей, я услышала приглушенное шарканье пера и увидела тусклый свет в самом темном углу. Маленький огонек догорал на истонченной свече, истекающей гладким воском.

— Неужели гости? Какая неожиданность, — старый мужчина, укрытый бархатной мантией синего цвета, даже не повернулся ко мне. Его лысеющий затылок пестрел серебряной сединой, а на гладких зальсынах проявлялись темные пятна. Он казался хрупким и тонким, как догорающая свеча возле его руки; спина у него прогнулась под грузом старости.

— К вам меня привел интерес, — отозвалась я и услышала призрачное эхо от своего голоса. Старец все также сидел ко мне затылком, шустро пуская чернила на лист пергамента, — хочу послушать о северных преданиях. О тайнах, что известны только вам.

— Тайн у нас немало, и хранить мы их умеем, — пробурчал старец, — как я понимаю, ты девочка, рожденная под теплым солнцем, а не под снегопадом.

— Я девочка, рожденная на проклятой земле, а не на солнечной, — тише ответила я, и старец прекратил шаркать пером. Выдержав минуту молчания, он медленно обернул ко мне лысеющую голову, и к своему удивлению я заметила, что глаза у него добрые, пускай тон голоса разил недружелюбием. Он легонько улыбался, обнажая глубокие морщины на сухом лице, и осматривал меня со старческим прищуром. Взгляд у него и впрямь добрый, но знакомство с Бенни научило меня не доверять не добрым глазам, не добрым поступкам.

— Проклятая земля? Это она отняла у тебя глаз? — смотря на мою повязку спросил тот, но будто не имел интереса к ответу. Он не дал мне открыть губ, как продолжил, — я слышал, что ступивший на проклятую землю не может выбраться из ее плена. Если ты говоришь правду, что родилась там, как тебе удалось выбраться?

— Это нудная история, — нелепо солгав произнесла я, и старец улыбнулся шире.

— Хочешь узнать наши тайны, но не желаешь делиться своими, — подметил тот хмыком, — воистину столичная особь.

— Я прибыла, чтобы слушать, а не говорить, — он задумчиво осмотрел меня с головы до ног, но взгляд задерживал лишь на повязке. Разумеется, всем интересно узнать, что под ней.

— И чего тебе интересно послушать? Мне семь десятков лет, и все свои семь десятков я пробыл на севере. Катался до Стоунвиля, Уайтменрила, Ровеля, пробыл в шахтах Рудного пролива, а после осел в Норквиле. Представляешь, как много слышали мои уши? Если я примусь ведать тебе все, что я слышал, у нас уйдет времени вдвое больше, чем я прожил на этом свете, — он хохотнул и снова отвернулся к исписанному наполовину листу, — я не столь жаден на секреты, как солнечные люди, поэтому, быть может, и отвечу на парочку твоих вопросов.

— Как вас зовут?

— Это твой первый вопрос? Сомневаюсь, что ради него ты проделала столь долгий путь, — он продолжал водить острием пера по листу и не обращать на меня внимания, словно говорит сам с собой, — так уж и быть, отвечу: зовут меня Власий. Но, девочка, постарайся быть в вопросах разборчивей. Рано или поздно мне надоеет на них отвечать.

— Вы слышали о проклятой земле, не так ли? О том, что она простирается в сосновом лесу вблизи Лиры, — его рука остановилась, и пара черных капель упали на строки. Встряхнув головой, он утер рукавом мантии пятно и продолжил писать.

— Слышал.

— Вы были там? Видели его своими глазами?

— Ты, милочка, весьма невнимательна. Я говорил, куда меня заносила жизнь, и дальше севера она меня не бросала.

— Получается, о Черном лесу вы слышали из чужих уст?

— Как и многие другие тайны, — пожал плечами он, — многие из них годятся только в слухи.

— И что же вам известно о лесе?

— То, что ступающий туда, погибает. На севере ходят легенды, что нечисть там вполне разумная, и правит ими дух отмщения, — очень похоже на правду, и более того, этот дух живет во мне, но говорить об этом вслух необязательно.

— Я всегда думала, что Черный лес волнует лишь столицу, а до севера истории о нем не доходят.

— Север любит животрепещущие истории и собирает их со всех концов нашего королевства, — он обмакнул перо в чернильницу и принялся писать дальше. Интересно, что же такого он пишет? — Про проклятую землю также говорят, что на ней построено совсем другое государство — государство Смерти, где живут и правят люди, правда мертвые, а не живые, — я не стану упоминать, что меня интересует, как ими править, дабы не вызывать ненужного любопытства, — югом правит солнце, севером правит холод, а Черным лесом правит смерть. Проговаривают, что сам Солнечный Бог боится ее тьмы, ведь даже солнце не способно ее ослабить.

— Холод там тоже есть, но совсем другой. Не такой, как здесь, — прошептала я, и старик кивнул головой.

— Потому что холод в Норквиле порождает дыхание ветра, приводящего с собой метель, а на проклятой земле холод порожден дыханием смерти. Такой холод пробирает до костей, от него замерзает сердце. Когда я был моложе, мне повстречался один напуганный до трясучки малец. Глаза у него были чудные — один был золотой, как у Пламенных, второй обычный, — я невольно замерла, когда старик покосился на мою повязку через плечо, — жаль, что долго любоваться им не получилось. Он, с дури, выколол оба. Бедный калека. Я отвел его в деревню, Старая Роща, а в пути он поведал мне о том, что видел, когда глаза целые были. Хорошо, что язык хоть оставил. Он и сказал мне, что в Черном лесу его преследовали тени, сотня, а то и тысяча. И тени эти говорили с ним, и их слова сводили его с ума. Больше всех говорил некий волк — его-то он и посчитал за правителя проклятой земли.

— Вам не кажется странным, что тенями правит волк? Людьюми волки править не могут, — неловко улыбаясь произнесла я, и старец хмыкнул.

— Волк из тени правит другими созданиями из тени, разве это странно?

— Вроде... нет, — замаявшись ответила я, и старец отвернулся к пергаменту. Он наклонился ниже, едва не упираясь носом в лист, и продолжил писать, пока свеча, ставшая рядом с ним, таяла на глазах.

— Говорят, родившиеся с одним золотым глазом, рано или поздно всегда оказываются в том лесу. Некая непонятная нам сила приводит их к сосновому порогу, как мать, зовущая свое дите в дом после игры в снежки. Занятно, что во всех других городах, будь то восток или юг, создания с золотым глазом не больше, чем вымысел, но люди на севере любят слагать легенды о них. Знаешь, как зовут людей с одним золотым глазом в Норквиле? — он снова посмотрел на меня через плечо, и от его пристального взгляда у меня пропал дар речи. Он был направлен прямоком в мою повязку, и оттого становилось страшно, не заглянет ли он под нее. Покачив головой, я сглотнула, и старец отвернулся к столу, — их называют Сыновьями или Дочерьями Солнца. Пламенные рождаются с двумя золотыми глазами, а вот они с одним.

— Любопытное прозвище, — онемевшим языком проговорила я, ощущая, как от нервов у меня пересохло во рту.

— Прозвища тем, кто по преданию должен освободить Пламенных. Мальчишка, которого я встречал много лет назад, тоже был так называемым Сыном Солнца. До тех пор, пока не лишил себя глаз, — я сделала шаг назад невольно, словно мое тело само захотело сбежать подальше, — а ведь он мог просто носить повязку, как ты, — старик сел в пол-оборота, сложив

запачканные чернилами пальцы на узких бедрах, и посмотрел на меня, — уже уходишь? Не так много вопросов тебя интересовали, одноглазая девочка.

— Д-думаю, мне пора..., — он выставил почерневший палец с молчаливым требованием подождать. Открыл маленький ящик в своем столе и достал оттуда другую восковую свечу, свежую, толстую, с плотным белым хвостиком, и убрал ту, что уменьшилась до размера мизинца. Он подул на огонек, и он мигом погас. Новую свечу он аккуратно устроил в подсвечнике, полном жидкого воска.

— Прежде чем уйдешь, не могла ли ты услужить мне? — спросил он, и в полумраке библиотеки я увидела, как он кивает головой в сторону свечи, — не могла бы ты зажечь ее, одноглазая девочка?

— Я н-не знаю, как..., — моя очередная нелепая ложь его повеселила, и даже в темноте я увидела широкую улыбку, обнажавшую желтые зубы.

— Я стар, и зрение меня подводит. Писать в этом мраке я не смогу, — я отшагнула еще дальше и почувствовала спиной холодную стену. Старик все также пристально держал на мне взгляд, не оторачивая головы, пока я вжималась лопатками в камень. В это мгновение мне хотелось бежать со всех ног, но, прежде чем сделать это, я махнула рукой — и хвостик свечи загорелся маленьким плавным огоньком. Старец провожал меня с мягкой и дружелюбной улыбкой на дергающихся губах, и как мне кажется, он смотрел до тех пор, пока я не скрылась за аркой. К тому моменту мое сердце бешено колотилось, словно я пробежала весь путь до столицы, не сбавляя шага. Ладони загорячились от волнения, но проникающий сквозь щели сквозняк быстро их остудил.

На открытом проходе между башнями я столкнулась с Августином, и только тогда мое дыхание пришло в норму, а сердце успокоилось. Вечер наступил незаметно, и к нашей новой встречи небо сделалось темно-красным, с точками ярких серебряных звезд, выглядывающих из-под сероватых облаков.

— Я как раз искал тебя. Собрание начинается, — проговорил тот, рассматривая мое встревоженное лицо, — что-то случилось?

— Потом расскажу, — а как передать словами, что меня встревожило, я даже не представляла, — нужно поторопиться к леди Софии.

— Роббин, Аглая и милорд Феодор уже прибыли в совещательную комнату, — мы спустились через толстую треугольную башню, чтобы выйти к чертогу и главной лестнице. Людей к этому часу поубавилось, и суеты в коридорах стало меньше.

— Почему Феодор присутствует? Он же совсем юн.

— Думаешь, он шутил, когда говорил, что намеревается возглавить войско? — ухмыльнулся Августин. Над нашими головами показались расписанные фресками купола, а под ногами стелился насыщенный красный ковер, ведущий к огромным двустворчатыми дверям. На дверях из темного дуба красовались завитушки и листья из чистой бронзы, мерцающей рядом с высокими канделябрами. Стража замка охраняла коридор и толпилась под расписным куполом подобно муравьишкам в муравейнике. Доспехи рыцарей, к слову, несколько различались между собой: пока мы шли к залу, я видела одних мужчин с ликом Буревестника на панцире, и мужчин с бронзовым солнцем с лучами-шипам на плечах. Не каждый на севере горазд отказаться от Божества, повелевающего холодом; и удивительно, как леди Софию это устраивает. Стража в замке милорда Рейси отличалась от столичной не только доспехами, но и суровостью на лице, выраженной нахмуренными бровями и крепко сжатыми зубами. Двое таких свирепых воина, выше меня на две головы, открыли нам тяжелые двери и пропустили вовнутрь.

Зал для собрания был неуместно огромным. Мебели, как таковой, особо не было: круглый необъятный стол посередине, окруженный стульями, по углам разбросаны полочки, обложенные чашами и графинами, на расписанной узорами стене висели два массивных пере-

крещенных топора. По комнате разбросаны свечи, стоявшие, где не попадая: на столе, возле кресел, на скромном камине, припрятанному в углу, на громоздкой люстре, висящей с высокого потолка. Окна прочно закрыты ставнями, поэтому даже днем, тут, должно быть, темно-вато. По деревянным ставням злобно барабанил вечерний ветер, нарушая устаканившуюся тишину. Кажется, он вот-вот ворвется в зал и погасит десятки свечей — и тогда здесь будет темно и холодно, как в подземелье.

За столом сидели Товен Рейси, София, Аглая, Роббин и Феодор. Они задумчиво таращились в расстеленную карту и молчали, но наш приход вынудил их перевести глаза на порог.

— Наконец-то все в сборе, — сказала София и рукой указала на свободные стулья, — присаживайтесь. Будем обсуждать, как воплотить ваши безумные планы в жизнь.

— Это и ваши планы, леди София, — ухмыльнулась Аглая, сидящая ближе всех к женщине, — ты охотно разделила с нами это безумие, когда собрала в этой зале.

— Не буду отрицать, — кратко бросила миледи.

— У меня есть несколько идей, как попасть в столицу, — вклинился Августин и скорым шагом приблизился ко столу. Он не сел — нагнулся над картой, вцепившись в линии сосредоточенным взглядом, — как мне известно, Норквиль не отправил всю армию на фронт.

— Верно, — кивнул Товен, скрепив руки, — месяц назад мы выделили не больше пятисот воинов. Полагаю, это тактика генерала Фросса — использовать ресурсы медленно и постепенно, а не бросать на другой берег все силы.

— Фросс при всей своей свирепости весьма аккуратен, — согласилась Аглая, — и был таким всегда. Он не стал бы настаивать на том, чтобы бросить на другой берег армию со всего королевства. Нам его осторожность только на руку — Норквиль сохранил большую часть войска, и мы собираемся направить боевую колонну к Лире.

— Мы не пройдем через весь север незамеченными, — отметил Августин и ткнул пальцем в область, принадлежавшую городу Аванхоллу, — более того, войско может истощать в дороге. Прежде чем приблизиться к столице, мы должны взять под контроль Аванхолл.

— Другие северные города нападут на нас, если узнают, какие цели мы преследуем, — возразила София, подняв бровь, — они не подпустят нас слишком близко.

— Мы можем заверить их, что ведем армию на юг по указу короля, — пожал плечами Август, — Аванхолл ближе всех к столице, и наверняка там будут знать, что такого указа не было, но дальний север получает сообщения гораздо дольше. Аванхолл мы осадим. Королю придется направить остатки армии, чтобы вернуть город из-под нашего контроля, и там мы дадим им бой.

— И остатки армии будут разгромлены, что обеспечит нам беспрепятственный вход в столицу, — хмуро протянул Товен и довольно хмыкнул под конец.

— Вблизи города достаточно полей и степей для сражения, — подытожил Август, — Война на юге отвлекает короля. У него нет достаточно сил, чтобы сражаться на два фронта. Ваши люди не пострадают, — Роббин не выразил солидарности с его выводами.

— Пострадают многие, — встрял капитан, почесывая щетину над губами, где раньше цвели светлые усы, — осада Аванхолла будет долгой и выматывающей, это я вам обещаю.

— Аванхолл пуст, — не согласилась Аглая, — это единственный город, кто выделил всю армию на войну с Роксинбургом. Осада долго не продлится. Главное: быстро войти в город и взять замок наместника под наш контроль.

— Я соглашусь с Аглаей и капитаном Грейгом в равной мере, — задумчиво проговорила София, прислонившись губами к костяшкам, — мы должны быть готовы к худшим исходам. Допустим, северные города не поверят в нашу байку о том, что мы отправляем войско на юг. Надо быть готовыми и к тому, что Аванхолл защищен прочнее, чем мы полагаем.

— Мы сможем дать бой и Ровелю, и Стоунвиллю, и замкам на Рудном Проливе, — заявил Феодор с таким энтузиазмом, словно мы не воюем, а играем, — Норквиль не раз давал отпор каждому из обнаглевших наместников. Мы сильнее, чем они.

— В таком случае войско поредеет, — пробормотал милорд Рейси старший, постукивая пальцами по карте, — мы можем потерять половину, прежде чем приблизиться к столице.

— И эта половина все равно будет сильнее, чем остатки солдат в Лире, — настаивал Августин, не давая сомнениям забраться в головы семьи Рейси, — главное, о чем вам нужно позаботиться, это о провизии. Все остальное я сделаю сам.

— Сам? Это я собираюсь повести войско!, — заулыбался Феодор, легонько пристукнув кулаком по столу, — я стану вождем сопротивления и прослаблю Норквиль в борьбе против Алакина, или кого вы там собираетесь свергнуть.

— Одного главаря мятежников уже прославили, — мрачно напомнил Роббин, — и поверь мне, сынок, такую славу даже врагу не пожелаешь. Молодость делает твою кровь горячее, а голову безрассуднее. Заваруха, которую мы устроим, требует холодного расчета, а не гонки за славой.

— Мне о холоде известно побольше тебя, капитан, — отмахнулся Феодор, — я родился холодной зимой, в холодной комнате, выходя из утроба своей холодной матушки. Кровь у меня в жилах тоже холодная, как Нефритовые реки, и мыслю я хладнокровно, — Август спрятал усмешку, наклонив голову ниже, но его, очевидно, позиция молодого лорда лишь забавляла, нежели вдохновляла.

— Сбавь обороты, сын, — произнес Товен, смотря на мальчишку сердитыми глазами, — ты единственный наследник этого города. Твое сумасбродство обезглавит нашу семью. Будешь бросаться в лапы смерти, когда подаришь нам внуков, пять мальчиков, и не меньше.

— Да хоть десять, — фыркнул Феодор, — поспрашивайте служанок, что обхаживают мои покои. Быть может у меня и двадцать сыновей родилось уже.

— Боги правые..., — тяжело вздохнула София, уронив голову на ладонь, — я не верю, что мой ребенок родился таким дураком.

— Твой сын — храбрейший из потомков Рейси, — хмыкнул Феодор, сложив руки на груди, — гордись мной, а не ругай. Во мне кровь и твоей семьи, королевской, — он улыбнулся шире, обнажая ровный рядок белых зубов, — получается, я благословен северным Богом и южным. Удача хлещет из меня.

— Как и глупость, — пробормотала леди и откинулась на спинку стула, — ладно, не будем о грустном. Утвердим осаду Аванхолла. До города путь всем известен, — она провела пальцем по карте от Норквилля до Аванхолла, — будете идти напрямик, через деревни и города, без обходов. Так дойдете быстрее. Еда, сталь, кони и теплая одежда у воинов будет, я об этом позабочусь. У нас только два исхода: победа или неминуемая смерть. Во втором случае все предельно ясно; если Алакин одержит вверх, каждый из нас будет казнен, и семья Рейси навеки потеряет земли и власть, — милорд Товен поджал губы, опасаясь этого итога, — что же насчет победы, я полагаю, вы хотите получить из нее немало выгоды, в первую очередь — свободу одаренным. Вы закончите войну, обелите репутацию Хорватов и вернете Аглаю в Правящий Сенат.

— И уничтожим орден, — прокашлялся Августин и наконец опустился на стул, — мы должны избавиться от белых охотников навсегда. Вместо них я хочу создать иной орден, что будет состоять из защитников Пламенных.

— Новый орден? — хмыкнула София, — многие все еще не оправались от прежнего.

— Они станут противоположностью Избирателей. Я сохраню иерархию: отряды, лидеров, предводителей. Но цели будут другие. Я назову их Стражи Зари.

— Надеюсь, это имя будет вселять такой же страх, как имя белого ордена, — ответ Софии позабавила Товена.

— У моей жены все завязано на страхе, — хохотнул Товен Рейси, посматривая на женщину из-под ресниц. Она сохраняла на лице строгость, игнорируя замечание мужа, — уважение она зарабатывает путем устрашения.

— Самая верная из стратегий, — проговорила та сквозь сжатые зубы, — ягнята не бросаются на волка лишь из-за страха перед ним. Мой брат, видимо, этот урок так и не усвоил, поэтому вскоре он лишится власти, — она несильно ухмыльнулась и потупила взгляд в пустоте, — но, возможно, лишь оттого, что он сам оказался ягненком среди волков, — София глубоко вздохнула и, осмотрев всех присутствующих, точно отмерла, — мы обсудили блага, что вы заполучите после победы. Теперь давайте обсудим, какие блага получим мы.

— Мы освободим вашего брата из плена Алакина. Разве этого недостаточно? — спросил Роббин с поднятыми на лоб бровями, и леди вдруг отстраненно посмеялась, словно услышала дурацкую шутку.

— Хотелось бы получить чуть больше. У нас есть свои условия.

— И какие? — отрешенно прохрипел Август, сложив пальцы в кулак под столом.

— Одно, совсем скромное требование. Уверена, вам по силам его исполнить. Феодор, подлеи мне вина, — она кивнула в сторону графина и чаши, стоявший в углу залы. Милорд, удрученно вздохнув, потопал по ее указу к графину, наполнил чашу кроваво-красным пойлом и принес ее в руки матери. Она сделала небольшой глоток, окрасив бледные губы в розоватый цвет, после чего продолжила, — я хочу, чтобы моя дочь Иванна стала твоей женой, Августин. Как только вы одержите победу, Хорваты вернут свое величие. Союз Норквилля и сына сенатора, именуемого впоследствии освободителем, будет нам очень полезен.

— Ваша дочь сгодится и для более выгодного союза, — ответил Август с таким тоном, словно он дает бесповоротный отказ. София, почувывая его упрямство, нервно ухмыльнулась.

— Если я требую именно этого брака, значит я в нем уверена. Я не бросаюсь словами попусту. Моя дочь хороша собой, красива и прилежна, и более того, в ней течет кровь династии Сонцето. Да это даже не требование, это щедрый дар для тебя.

— Вынужден отказаться от вашего щедрого дара, миледи, — отрезал он, и я почувствовала, как задрожали кончики моих пальцев. Оказывается, я даже не дышала, пока слушала Софию, и смогла вновь вздохнуть лишь после ответа Августина. Непреклонный взгляд Софии мешал моему сердцу биться ровно, и все, о чем я могла думать сейчас — эта женщина не принимает отказов.

— Почему ты так упрямышься, Августин? — прошипела она, словно ядовитая змея, готовящаяся разорвать жертву клыками, предварительно удушив толстым чешуйчатым хвостом. Я косилась в лицо Августина, ожидая увидеть в нем неловкость или страх, но оно оставалось каменным, лишенным чувств, красок и эмоций.

Он поклялся взять меня в жены. Поэтому.

— У меня уже есть невеста.

Роббин с Аглай неуверенно переглянулись. Они молчали, но я отчетливо представляла, о чем они думают: хотят, чтоб он забрал свои слова назад, пока не поздно, и только я молилась, чтобы Августин не давал слабину. Он обещал не оставлять меня, а я обещала не оставлять его. Наша клятва не может быть разрушена корыстными желаниями миледи Софии, что способна найти и более подходящую партию для своей дочери. Я рассчитывала на поддержку Товена или Феодора, но они, прикусив языки, опустили взгляд в пол и выжидали, когда Август сдастся их стальной леди.

— А если я скажу, что не дам вам армию? — ухмыльнулась София, поднося чашу к губам. Мое сердце вот-вот рухнет в пятки, и полагаю, это ее позабавит. Она высматривала не только лицо Августа, но и мое, словно догадываясь, что я камень преткновения всем ее идеям.

— Вы готовы отказаться от всего лишь из вредности? — подняв бровь спросил Августин. Я нутром ощущала, как гнев печет ему грудь, но он сдерживал свои задетые чувства из последних сил, — прошу простить мне мою дерзость, но в вас говорит капризность. Или легкомыслие.

— Во мне говорит женщина, правящая Норквилем и рожденная от крови короля, — поправила София непреклонным тоном, — расчетливая и умная. Единственный, кто здесь подвластен капризам, это ты, Августин.

— Я мог бы соврать вам. Мог дать обещание скрепиться узами брака с леди Ивановой ради своей выгоды. Но я остаюсь с вами честен. И честно вам заявляю, что не смогу сделать этого.

— Честность подкупает меня, так и есть. Но все же советую тщательней поразмыслить над моим предложением, — София откинула пустую чашу и поднялась со стула, — время у вас будет. Помни, Августин — я всегда добиваюсь своего.

Глава 2

Вода в бассейне остыла, но Джуллиану не хотелось из нее выбирать. Он держал голову на мраморном ободке, слушая тихий перезвон капель, падающих с мокрых белокурых волос прямиком на спокойную водную гладь. Его светлая чистая кожа целиком покрылась мурашками, а губы из розовых стали синеватыми. Последний раз, когда он открывал веки, в окно билась бледно-розовая заря, а сейчас он увидел ясное небо, полное облаков. Раскрытые оконные ставни пропускали легкий ветерок. Землю Змеиной Матери зима так и не тронула: вьюги не морозили стены, заливы не томились под коркой льда, трава обходилась мерцающими каплями росы, не зная прикосновения инея. Роксинбург оставался ясным и теплым, словно Солнечный Бог любит их сильнее, чем свой родной дом, простирающимся за морем. Но вода в бассейне, как назло, все равно становилась холоднее с каждой минутой.

С громким всплеском он поднял руку и взял лежащую рядом щетку, которой Лайла обычно натирала ему спину. Он проводил по мягкой щетине пальцами и чувствовал гадкую печаль где-то глубоко, в самых забытых недрах его души. Лайла натирала его кожу мыльной водой и водила щеткой по плечам с такой нежностью, словно боялась его случайно поцарапать. Каждое ее прикосновение отдавало сладким привкусом, даже приторным, и Джуллиан не представлял, что без нее будет так горько. Сколько дней прошло с тех пор, как он пустил стрелу в ее лоб? Стуки, двое, трое? Он потерялся, считая минуты в этой опустевшей без Пламенной комнате. Две ночи точно прошли без нее — это он запомнил, поскольку холодная постель была не уютнее стога сена. Засыпать в одиночестве он, казалось бы, привык, но без Лайлы эта привычка возвращалась к нему нехотя. Когда он засыпал, то видел ее призрак, прозрачную белую дымку с золотыми глазами: она порхала по комнате и обнимала его спину, поглаживая белокурым затылок, а после взлетала в середину комнаты и распадалась по частицам, а ее лоб краснел кровью от пущенной стрелы. Нет, прошло точно три ночи, ведь ее дух приходил ему во снах не меньше трех раз. Однажды ему приснилось, что она плачет на диване возле окна, и когда он спросил, почему по ее щекам струятся слезы, Лайда ответила, что ей невозможно грустно, ведь она так и не научилась читать. Прошло, значит, больше пяти ночей — он точно видел этот сон дважды. По утру он брал книгу в руки и читал вслух, чтобы ее призрак следил за шевелением его губ по тексту. Читать одними губами — еще одна странная привычка, возникшая из-за Пламенной. Вот бы со смертью Пламенной улетучились и все воспоминания. Жаль, их нельзя уничтожить, подстрелив из лука. Они прекратят терзать мою голову, когда и я погибну, как Лайла — с досадой принял Джуллиан и поднялся из воды целиком.

Он оделся в тунику, сверху которой легли доспехи. Одежды у него скомкались, доспехи запылились, постель всегда была неопрятно расправлена, ведь эти заботы, обычно, брала на себя Пламенная. Следила за тем, чтобы господин выглядел опрятно, и чтобы в их спальне был порядок. Она и одаренная, и служанка, и чашница, и шлюха — кем она только не была для Джуллиана, и своей смертью она забрала у него все. Были и другие женщины, способные заменить Лайлу, да только они все делали абы-как: Джуллиану не нравилось, как выглядит его одежда после их стирки, не нравилось, как заправлена кровать, и не нравилось входить в их лоно, да настолько, что его мужское достоинство падало раньше времени. Руки, которыми он брал других женщин, убили Лайлу, поэтому пользовался он ими без удовольствия. После эти же руки вынесли ее труп в море. Он сам избавился от ее тела. Глаза ее уже не сияли золотом, а кожа остыла и посинела. Маленькая голова была растерзана наконечником стрелы, которую он даже не удостоился выдернуть. Так и отправил Пламенную на дно вместе с ней — а может, именно поэтому она мучается от боли даже в его снах. Надо было вытащить стрелу, думал Джуллиан, наливая в кубок вино, надо было избавить ее дух от мучений. Уже слишком поздно для этих размышлений, ведь морской прибой наверняка украл ее тело, утащив на глубину.

Может, мы еще встретимся однажды, когда и мое тело утонет, погрязнув в водорослях. А вдруг, я успел полюбить ее, ужаснулся он и едва не подавился вином — нет, глупости, я просто к ней привязался, как и любой другой глупец, что впадает в зависимость от одаренных людей. Я не такой. Я убиваю одаренных, а не поклоняюсь им. На моих руках много смертей: смерть Карины, смерть Бейлы, смерть Ханна, смерть... Лайлы. И возможно, Кай будет следующим на очереди, если я узнаю, как бороться с его бессмертием. Джуллиан, вспомнив о Кае, подумал, что он, должно быть, уже воспользовался Евой. Кай позволил себе чуть больше, чем другие Пламенные — но он касался моей жены лишь с моим позволением, тут же задумался Джуллиан. Неужто я виноват во всем? В том, что Кай воспользовался Евой, и в том, что я привязался к Лайле. Он поставил кубок на столик и посмотрел на свои ладони; их заметно потряхивало. Нет, со смерти Лайлы прошло не меньше недели — он видел сны, где она держала его дрожащие руки.

— Сир Джуллиан, извольте порадовать нас своим присутствием на военном совете, — в покои вошел Ригон Хайт, придерживая облаченную в стальную перчатку ладонь на рукояти. Джуллиан повернул к нему голову, показывая уставшее от бессонницы лицо.

— Опять провизию пересчитывать и спорить над сроками взятия Лунной Пристани? — хмыкнул он, вновь поднося кубок к губам, — нет уж, не хочу больше слышать их бессмысленного треп. Пока никто не готов к серьезным действиям, меня вы среди трусливых генералов не увидите.

— Пришли вести от разведчиков, и лишь из-за них генералы собрались на совет, — упрямылся старый рыцарь, и Джуллиан недовольно вздохнул. Уже нутром он почувствовал, что вести будут неважные — о змеюках на границе или о промелькнувших краснокожих воинах вблизи крепости. Какая разница тогда?

— Я так понимаю, без меня не обойдется? — поставив кубок на стол проговорил Джуллиан, и вино на дне задребезжало мелкими волнами. Сир Ригон молча кивнул, — хорошо, я буду на совете, раз уж генерал Фросс нарек меня командующим армией.

— Именно поэтому вы не должны пропускать даже самые бессмысленные беседы, сир Джуллиан, — напомнил Ригон Хайт, и тот угрюмо кивнул, — не забывайте, что война — это не только красочные битвы, полные крови и звона стали — это и скучные ежедневные заседания, и пустые разговоры о ближайшем будущем.

— Жаль, с этой частью я не ознакомился, прежде чем бежать на войну, сломя голову, — фальшиво улыбнулся Джуллиан, и все же поднялся, предварительно осушив кубок полностью.

Его комната казалась ему пустой после смерти Лайлы, но он не представлял, что и вся остальная крепость окажется такой. Шагая по коридорам и лестницам, он чувствовал себя совершенно одиноким в гранитных стенах Золотой Жаровни. Почему тут так пусто, задавался он вопросом, осматриваясь по сторонам. Людей, в целом, многовато: они шепчутся, обсуждая подавленный недавно мятеж Дженкса, шастают из одного угла в другой, напиваются элем и обедают мясом. Шумно и людно, но также тихо и пусто. Джуллиан мельком положил руку на панцирь доспеха, осознавая, что пусто где-то у него внутри, а не в крепости. Разговоры, шумящие на фоне, напоминали ему надоедливое жужжание мух, вьющихся над сладким медовым вином.

Военный совет, состоящий из пяти старых генералов, тоже погряз в назойливом жужжании: немолодые мужчины бодро обсуждали пришедшие вести, и в глазах у них стояло заметное беспокойство. Джуллиан осмотрел их с равнодушием, а после громко зашагал к стулу, чтобы привлечь внимание к себе. Ригон Хайт шел за ним по пятам, а после сел рядом.

— Я вижу, все знатно встревожены, — Джуллиан перебил их своим голосом, прозвучавшим, как удар кулака по столу, — что вынудило вас бросить все дела и примчаться сюда? — и меня, к тому же, затащить, подумал Джуллиан, но вслух не отметил.

— Разведчики доложили, что армия Роксинбурга уходит с юга, — начал один из генералов, чье имя Джуллиан так и не запомнил. Неудивительно, ведь любое из их имен так и не отпечаталось ни только в его памяти, но и в истории.

— И что с того? — усмехнулся Джуллиан, разводя руки, — вы вздрагиваете от всякого взмаха их руки? Не сильно доблестно.

— Вы не понимаете, сир, — злостно проговорил другой генерал с седой жидкой бородкой, — хотя чему тут поражаться? Вы же впервые на войне, поэтому ваша неопытность мылит вам взор.

— Так поведайте мне, в чем ваше беспокойство, раз уж опыт у вас столь богатый, что вы видите врага насквозь, — Ригон Хайт тоже был заметно напряжен. Джуллиан доверял старому рыцарю больше, чем этой горстке параноиков.

— Армия Роксинбурга отходит от границ Пяти Пустынь, и у этого может быть лишь одна причина — их война окончена. Если они достигли мирного соглашения, Роксинбург пустит все силы на войну с Эфиритом, — заключил седой генерал, но Джуллиана эта новость не ошеломила наповал, как других. Возможно, вина и впрямь в его неопытности. Вместо переживаний он испытал предвкушение кровавых сражений, способных вновь вернуть его к жизни. Тем более, после той пустоты, что оставила ему Лайла, война не так страшна. Поэтому ответом генералу послужила лишь довольная улыбка на лице Джуллиана — этот жест старикам сильно не понравился.

— Их армия будет увеличена в десять раз, — дополнил Ригон Хайт, нарушив тишину, — мы должны быть готовы к более долгим и изматывающим сражениям.

— Не как я слышал, что король Георг замышляет ослабить фронт? — вдруг задался вопросом еще один генерал, менее седой и морщинистый, чем другие, — в одном из писем его величество указало, что нужно быть готовым к переправке части войск в столицу.

— Это самоубийство, — фыркнул мужчина с жидкой седой бородкой, — его решение будет стоить нам всех занятых крепостей. Нужно тотчас отправить послание с требованием передумать.

— И наоборот, потребовать больше офицеров и солдат, — гневно заявил другой, хлопнув по столу так, что лежащая на нем карта встрепенулась.

— Король Георг не обосновал свое решение? — хмуро уточнил Ригон Хайт, но генералы отрицательно покачали головами, не стирая с лиц недовольства. Джуллиан наблюдал за ними с непонятной ухмылкой, разложившись на спинке стула и постукивая пальцами по столу.

— Среди солдат разве что бегают слухи о возмездии младшего Хорвата, эти слухи пребывают на берег вместе с матросами и прочими воинами. Возможно в этом суть замысла короля Георга. Он хочет защитить столицу от восстания.

— Точнее, спасти свою голову, — буркнул коренастый генерал с диким оскалом на пробитых шрамом губах, — мне кажется, что его величество бережет не наше королевство, а свою задницу.

— Как вы смеете порочить честь избранника Солнца? — вспенился генерал с жидкой бородкой, и следом за его гневным вопросом последовал лязг вынутого меча. Он наставил острие прямым в изувеченное лицо генерала, но тот смотрел в ответ с насмешкой. Джуллиан наблюдал за ними, как за выступающими циркачами, жалея, что под рукой нет графина с вином. Ригон Хайт удручено вздохнул, массируя пальцами переносицу.

— Избранник Солнца вот-вот да просрет весь берег, потому непонятно, кто чью честь порочит, — буркнул тот, отодвигая от своего лица острие одним кривым пальцем, — когда я вел армию на север, никто не трясся за сохранность короны на голове Овэна Победоносца.

— Прекратите бранить короля Георга, иначе вас покарают. Уж если и не мой меч, так сам Солнечный Бог, — не унимался старик, крепче сжимая рукоять меча. Второй продолжал скалиться порезанными губами, а Джуллиан продолжал забавляться с их перепалки.

— Боюсь руки Солнечного Бога сюда не дотянутся, — пролепетал коренастый, сложив массивные предплечья на груди, прикрытой стальным доспехом с гербом Эфирита, — а если и дотянутся, Змеиная Мать велит своим кобрам их покусать. Как не глать, мы в настоящей западне, и что королю, что Богу, плевать на нас и этот берег.

— Вы добавите хоть слово, сир Джуллиан? — заикнулся еще один генерал, прежде молчавший, и тогда все шестеро пар глаз перешли на улыбающегося рыцаря. Забавно, что мужчины, старше его в два, а то и в три раза, с таким упованием жаждают его ответа.

— А чего мне дополнять? Скажу лишь одно — наконец-то начнется война, настоящая, а не маскарад, который устроил враг к нашему прибытию на берег, — Джуллиан поднялся с места, громко отодвинув стул назад. Ножки противно заскрипели о каменный пол, мужчины дружно поморщились, — приведите лагерь в боевую готовность, морские силы сдвиньте ближе к Тихому заливу, впадающим в Бесславное море. Много лет назад этот залив стал путем врага к победе, так потрудитесь сделать этот путь тернистым, — сир позвал за собой Ригона Хайта одним махом руки, — наша крепость укреплена достаточно, но сначала они постараются взять Лучистую Гавань. Перекиньте туда тысячу человек, снабдив их требушетами и катапультами.

— И все? — гаркнул генерал с жидкой бородкой в удаляющуюся спину Джуллиана, — и это весь ваш план? Нам нужно продумывать множество ходов грядущей битвы, а не обходится парой поверхностных советов.

— И что вы можете предложить, генерал? — бросил Джуллиан через плечо безразличным голосом.

— Направить наше войско к хребту, к дорогам, по которым пройдут красные воины, и разбить их у подножья деревень, — генерала поддержали все, кроме Ригона и Джуллиана. Мужчины зашумели басистыми возгласами, пристукивая кулаками по столам и едва не хватаясь за оружие. Молодой рыцарь недовольно вздохнул, покачивая белокурой головой.

— Вы вините меня в неопытности, слушая мои рассуждения, а сами ничуть не лучше. Разве мне нужно говорить вам, что битва у подножья деревень будет проиграна? — генералы затихли, — если армия врага вырастет в десять раз, то числом они превзойдут нас, и в открытом пространстве их конница задавит нашу в считанные дни. Мы должны укрываться в стенах крепостей — в случае осады мы сможем давать отпор с башен, и так мы не только победим, но и сохраним армию, — его зеленые глаза встретились с блекло-синими глазами седого генерала, и он нашел в них зерно понимания. Осталось только, чтобы это зерно проросло и дало плоды, — как ваше имя?

— Вам неизвестно имя генерала, прошедшего войну на севере? — возмутился тот, громко тыкнув острием в пол. Этот старик тыкает острие куда угодно, но только не во врага, подумал Джуллиан с усмешкой.

— Это не ответ. И мы не на севере. Ваше имя я запомню, если вы победите на юге.

— Аврам Уолтер, — процедил тот сквозь стиснутые челюсти, прыскавая слюной. Джуллиан легонько кивнул, а после снова последовал к выходу.

— Генерал Аврам, проследите за тем, чтобы мои указания были выполнены. К следующей неделе я хочу знать, что залив перекрыт, а Лучистая Гавань забита воинами, — он осмотрел других мужчин и не увидел в их лицах ничего, кроме согласия, а лучше сказать, смирения. И как эта горстка импульсивных дураков пережила войну на севере? Неудивительно, что он их имен не знает — в его голове остаются лишь имена достойных.

Этим же вечером Джуллиан устроил для солдат настоящее пиршество: в просторном чертоге на нижнем этаже он велел прислуге накрыть столы запеченным мясом, рыбой, свежим хлебом, сырами, пирогами, винами, элем и ветчиной. За столы поместилось около ста человек, и столько же шатались по остальной части крепости, другие носили выпивку бедолагам в лагере, что не пили ничего приятнее пресной воды. Шутов и музыкантов на войне нет, поэтому солдаты и офицеры развлекали себя байками, шутками и нелестными песнями про господ.

После третьей испитой чаши вина разговоры среди людей становились смелее. Развязанные языки мелили всякую чепуху с долей правды, и правду с долей чепухи. Смех и гам звенели на всю крепость с такой силой, что Джуллиан не удивится, если их слышно на другом берегу. Он сидел один в укромном уголке, закинув ноги на стол, и с улыбкой смотрел за потехой солдат, запивая зрелище гранатовым вином. Сыры, недавно взбитые на молоке, таяли во рту, и он в блаженстве прикрывал веки, наслаждаясь нежным вкусом. После допитого графина его голову не терзали не скверные мысли, не сожаления о прошлом, и даже мысли о будущем — ничего не было. Приятная пустота, граничащая с легкостью и эйфорией, заглушила собой любые беспокойства. Для полноты ему не хватало лишь бойни и фигуристого женского тела в постели после. Он снова посмотрел на свои ладони, примечая, что более трясушка им не досаждала. Эти руки пролили немало крови, и, подобно вечно голодным комарам, они жаждут еще больше.

Долго скучать ему не придется, ведь однажды, берег окружат сухопутные и морские силы Роксинбурга. Возможно, устроенный пир был последним шансом наестся досыта и напиться. Во всяком случае, воины смотрели на него с благодарностью и с горячими речами поднимали чаши в его честь. Он позволил изголодавшимся мужчинам домогаться служанок, некогда прислуживающим Роксинбургу, и те сидели у них на коленях, подливая эль в кружки. Смуглые и чернобровые женщины с объемными грудями заметно отличались от женщин из Эфирита. Смотря на обнимающиеся парочки со стороны, Джуллиан вспоминал слова покойного сира Дженкса. Он говорил, что трогать дочерей Змеиной Матери — серьезный грех на земле Роксинбурга, и что за такое следовало бы наказывать; но дочери ее и сами с удовольствием грешили. Дженкс помер, не успев увидеть своими глазами, как загорелые змейки с радостью знакомятся со змейками в штанах солдат. А может он был так недоволен этим, потому что на его змейку никто внимания не обращал?

— Молодые воины в восторге от вас, — сказал подошедший сир Ригон Хайт, — они смотрят на вас, как на родного отца — с любовью и восхищением.

— Потому что я накормил их, напоил и дал шлюх, прямо как родной отец, — ответил с ухмылкой Джуллиан, когда рыцарь приземлился на скамью напротив.

— Почему же я не вижу у вас на коленях симпатичную чужестранку? — одна из таких подошла с полным до краев графином и поставила его перед мужчинами, предварительно одарив Джуллиана обворожительной улыбкой. Его, к ее несчастью, не привлекала экзотика, поэтому он быстро прогнал девушку вон.

— Мне приятны лишь наши женщины, рожденные от Солнца, — ответил тот, подливая вино сиру Ригону, игнорируя его скромные протесты, — а эти не вызывают во мне несколько желаний.

— А я уж надеялся, причина в том, что вы женаты, — аккуратно заметил рыцарь, без укора и осуждения. Джуллиан только сейчас вспомнил, что на другом берегу его ждет жена и новорожденный ребенок. Подошел близкий к родам месяц, как знать, возможно дите уже появилось на свет? Посланий от Евы он все еще не получал. Может она так отвыкла от него, что и о ребенке извещать не стала, и вовсе не ждет его возвращения. Эта мысль могла бы уколоть больше, не будь Джуллиан так пьян.

— Не будем о грустном, — вымолвил он с трудом, и старый рыцарь сделал крохотный глоток, едва коснувшись вина губами. Пить он явно не мастер.

— А где вы нашли повод для грусти? — непонимающе улыбнулся он, — разве есть место грусти в разговоре о жене и семье?

— Моя избранница весьма молчалива. Уж не знаю, семья ли мы до сих пор, — он посмотрел в кубок и увидел нечеткие очертания своего лица на винной глади. Увидев свои зеленые глаза в красной гуще он вздернулся, вспомнив сон, в котором он тонул среди кровавого моря, — у меня должен родиться ребенок со дня на день, но моя Женевьева не додумалась поставить меня в известность.

— Может, вы чем-то ее обидели? — спросил Ригон, хлюпая вином, — женщины весьма хрупкие, когда дело касается чувств.

— Возможно и обидел, — пожал плечами Джуллиан, а в мыслях исправил «возможно» на «очень сильно». Он ранил Еву и словом, и делом, и молчанием, и равнодушием. Только ревностью ее не ранил. Наверное, из-за равнодушия. На руках не хватит палец, чтобы посчитать все разы, когда он топтал ее чувства в грязь, но кто знал, что ей удастся ударить по нему больнее.

— Уж не это ли причина вашей печали, сир? В последнее время вы совсем не свой, — он посмотрел за спину и увидел, как двое пьяниц сцепились в нелепой схватке на кулаках. Вспрыгнули со своих мест и принялись колотить друг друга, промазывая через раз, на потеху зрителям. Другой мужчина, волосатый, как медведь, присвистнул, а после облился элем и загадил свою кольчугу, но его неаккуратность вызвала лишь очередную волну смеха.

— Причин для печали у меня предостаточно, — честно признался Джуллиан, и вдруг подумал, что вино толкает его на откровения. Опасное это дело — выпивать в приятной компании, — не думаю, что вам стоит это слушать. Сегодня мы отдыхаем, как в последний раз.

— К чему мне этот отдых? — грустно улыбнулся Ригон, — я и забыл, когда в последний раз отдыхал с удовольствием. Вместо пьянства я предпочитаю трезвость, вместо набитого живота — легкий голод. И держать в руке что-то легче меча мне тоже в новинку, — он покрутил чашу, и вино расплескалось на стол гранатовыми каплями, — так что калитесь, сир Джуллиан. Я всегда готов побыть чутким собеседником.

— Ну, если вы настаивайте... Не побоюсь признаться, что меня вот уже как год сопровождают потери, — прочистив горло вступил Джуллиан, — я потерял друга, лучшего из всех возможных и самого дражайшего. Потерял и человека, кто был мне отцом гораздо более близким, чем мой родной. Потерял женщину, что влекла меня невзирая на ее несовершенство и потерял женщину, что едва не заменила мне первую, — он горько улыбнулся, когда рыцарь понимающе закивал, — не стоит мне соболезновать. В этом всем только моя вина, по правде говоря.

— Признание своей ответственности за происходящие невзгоды это серьезный шаг, сир Джуллиан, — с теплой улыбкой ответил Ригон Хайт, и тот задумчиво хмыкнул, — не знаю ни одного человека, кто не совершал бы ошибок по молодости, — и явно не знаете человека, который совершил бы их столько же, сколько я, добавил про себя Джуллиан и снова глотнул вина.

— Мне часто говорят, что я умен и даже гениален, но я всегда где-то оступаюсь.

— Это ли не показатель ума? — усмехнулся Ригон, — видеть, где ты однажды поступил неправильно.

Джуллиан хотел бы с ним согласиться, да только он не представлял, когда начал ошибаться раз за разом. Вроде, он делал все правильно — но эта цепь, что должна была привести его к победе, затягивалась все туже вокруг горла. Где-то я был не прав, но где? Наверное, чтобы осознать это, нужно повзрослеть лет на десять, или стать ровесником Ригона Хайта.

Мужчины уединились со служанками на кухне или в пустых коридорах, к счастью Джуллиана, не у него на глазах. Людей становилось меньше, но тише оттого не было; оставшиеся пьяницы начали громко петь о войне и славе похлеще именитых бардов. Три человека пустились в пляс: двое возле стола, другой прямиком на нем, пнув грязными сапогами блюда с едой. Женщины тихонько хихикали в ладошки, наблюдая за ними, но вскоре сами присоединялись к танцу. Раскованные, однако, эти змеиные дочери, подумал Джуллиан, заметив, как у одной из них вывалилась грудь, и она без всякого стеснения вернула ее обратно в лиф.

— Вам нравится на войне, сир? — вдруг спросил Джуллиан, переводя взгляд на старого рыцаря. Его вопрос не вызвал в мужчине никаких чувств.

— Как и любому другому рыцарю, кто доказывает свое право на титул делом, а не нарядами доспехами и хвастовством. На войне мне спокойнее, чем в родном доме.

— Я мечтал попасть на войну с малых лет. Даже не помню, с какого возраста, помню лишь то, что говорить складно еще не умел, а уже грезил о битвах, — о его скромной мечте не знал никто, даже самые близкие друзья, ставшие почти семьей. А ведь этой мечте больше лет, чем их дружбе, — но, возможно, скоро мне придется отбыть на другой берег. По просьбе жены и ее отца-советника. И мне хотелось бы видеть вас рядом в качестве сопровождающего.

— Если вам нужен сопровождающий, для меня будет честью отправиться с вами, — заявил вдруг старый рыцарь, чем сильно удивил Джуллиана, но он старался этого не показывать.

— При всей нелюбви к размеренной жизни на родной земле? — хмыкнул тот, и Ригон пожал плечами. Вино в его чаше не опустело даже на четверть.

— Если придется защищать короля на другом берегу, я буду защищать его рядом с вами, — Джуллиан хмыкнул, поскольку защищать короля — последнее, что его интересует. Куда больше его поражает, что защищать его придется, по всей видимости, от Августина Хорвата. Он уже успел понадеяться, что более им не придется сражаться друг против друга, но судьбе сильно хочется столкнуть их в схватке. Наверное, и умереть им суждено вместе, в один день — назло самому Августину.

Пир продлился до самого утра, но Джуллиан покинул чертог уже к полуночи, ощутив, как от выпитого вина его клонит в сон. Веки потяжелели, ноги, наоборот, стали мягче, и он побоялся, что завалиться спать прямоком в коридоре. С горем пополам он достиг своей спальни, неряшливо, прямо на ходу, снял доспехи, и завалился спать в оставшейся на нем одежде. Была от переизбытка вина одна польза — он заснул так крепко, что никакие гадкие сны не испортили ему настроение на утро. Утро испортило разве что похмелье, да такое сильное, что он голову с подушки поднять не мог. Лицо припухло, во рту было суше, чем в лоне старой девы. Прибывшая на его зов служанка начала набирать бассейн с водой, пока он стоял у окна, подставив разгоряченную грудь ласковому утреннему ветерку. Белокурые пряди развивались на мягких порывах, щекоча виски и лоб. Когда бассейн наполнили больше, чем на середину, он аккуратно вошел в воду полностью раздетым. Кипяток пощипывал кожу, пар струился высоко над головой и изредка забивался в ноздрях, прогревая горло. Зачерпнув воду в ладони, он глотнул ее и поморщился, ощутив, как она ошпарила рот, но сухость стояла невозможная, поэтому он сделал это снова. Напившись и обмывшись, Джуллиан оделся, чтобы спуститься в чертог и наесться легким завтраком — прошлый ужин, оказывается, он выbleвал перед сном, но вспомнил об этом, только когда увидел служанку с тряпкой возле своей кровати.

Внизу он встретил одного дохлого мужика, забитого насмерть на вчерашнем пиру. Бедолаге раскрасили лицо так, что его теперь и не узнать. Подмышкой у него торчал нож, и еще пару следов от ножевых ранений зияли алыми пятнами в районе брюха.

— Уберите это немедленно, — приказал Джуллиан, остановив одного из солдат, также страдающего от похмелья. Под глазом у него красовался багровый фингал, а когда он открыл рот, Джуллиан увидел две дыры — еще и зубы где-то потерял. Радует, что самому Джуллиану повезло отделаться лишь неприятным похмельем, без синяков и выбитых зубов.

Немолодая кухарка подала ему холодную похлебку из рыбы на завтрак. Джуллиан думал, что после увиденного трупа растеряет аппетит, но он доел все до последней капли, оставив на дне лишь обглоданные косточки. Пока он запивал съеденное пресной водой к нему подбежал Харви Грейг. В руках Харви держал небольшое письмо, скрепленное королевской печатью.

— Сир Джуллиан, я искал вас все утро, — запыхавшись тараторил капитан, вытирая взмокший лоб свободной ладонью, — сегодня ночью прибыла галера с посланиями, и среди прочих писем было это, — он протянул сверток нахмуренному Джуллиану, — адресовано лично вам. Пометка королевской печатью.

— Неужели, — буркнул он, абсолютно не представляя, что может быть изложено в таком важном письме. Хотя догадывался, что строки оставлены рукой Алакина, а не короля Георга.

Его догадки подтвердились, когда он прочитал содержимое — а к концу его глаза едва не вывалились в тарелку с рыбьими косточками, — черт подери..., — Харви, все еще стоявший возле него, любопытно посматривал на письмо, переминаясь с носочков на пятки. Джуллиан посмотрел на него, изумленно открыв рот, — у меня родился сын. Слышал, Грейг? Женевьева родила мне сына!

— Мои поздравления, сир Джуллиан, — неловко улыбнулся Харви, полагающий, что в письме с королевской печатью должно быть что-то поважнее. Джуллиан вскочил на ноги, не отрывая взгляд от строчек — перечитал их раз десять, не меньше, и почти выучил наизусть.

— Я должен отбыть на другой берег. Сегодня же, — бурчал рыцарь себе под нос, сворачивая письмо трубочкой. Пальцы снова задрожали, но теперь от радости, и он чуть не выронил бумажку на пол. Он расстанется с ней только после того, как увидит сына своими глазами, но до этого момента будет держать ее рядом, чтобы напоминать себе каждый час — он стал отцом мальчика, — Харви, — он опомнился, когда голова остыла от восторга, — позови ко мне сира Ригона Хайта. Мы отбываем в Тольфут этим вечером.

— Я слышал, что армия Роксинбурга становится крепче день ото дня, — неуверенно промямлил Грейг, сомневаясь в намерениях Джуллиана, — покидать крепости сейчас — дело опасное.

— Это указ советника, — подняв сверток в воздух проговорил Джуллиан, — он потребовал перевести третью часть войска в столицу, и мы не можем с ним спорить. Он говорит лишь приказами самого короля Георга.

— Вы не находите их приказы неблагоприятными?

— Я не трачу время на то, чтобы сомневаться в чьих-то приказах, и тебе советую, — он подгонял Грейга к выходу, толкая его в плечи, — давай, приведи сюда сира Ригона, да поживее.

— Они хотят защитить столицу от Хорвата, не так ли? Теперь армия нужнее в столице, чем на море, — Харви задал неприятный вопрос в лоб, и от него Джуллиан замер. Рассуждать об этом было в тягость им обоим, — Лиза.. Она ведь рядом с Августиним, наверняка. Значит, она тоже будет в этом участвовать. В этой безбожной битве.

— Я передам ей, что ты ее не забыл, если мне повезет встретить ее живой, — фальшиво улыбаясь ответил Джуллиан, а после снова стал серьезным, — а теперь беги, пока я тебя пинками не спровадил отсюда.

Харви медлил и смотрел на рыцаря осторожными с долей грусти глазами. Молодой Грейг встревожен рокировкой войск из-за Лизы, что не пропустит ни одну битву, в которой участвовал бы Августин. Но ему до второго берега не доплыть; имени Харви среди имен командиров, нужных королю Георгу, не было, а значит, он остается здесь. Смерть вполне может разделить их — думал Джуллиан, дожидаясь сира Ригона Хайта на берегу — но смерть разделит их не раньше, чем меня с Августиним. Смерть начнет с нас.

Море, прирученное хорошей погодой, ласкалось о берег, как домашний кот о колено хозяина. Давно оно не было так спокойно, и Джуллиан понадеялся, что это знак свыше — что говорят моряки о спокойном море? Есть ли какие-то приметы? О морских приметах Джуллиан знал только то, что женщина на корабле к несчастью, но к его радости этот заплыв пройдет без них. Галера, собираемая матросами, плавно покачивалась на причале, хлюпая деревянным доньшком. Это судно повезет Джуллиана вместе с частью войска, остальные же поплывут на других. Обводя бирюзовый горизонт, он не мог поверить, что корабль вскоре доставит его домой, на другой берег. Он провел здесь не так много времени, но этого хватило, чтобы засомневаться в том, что южные города Эфирита все еще обволакивают побережье.

— Час нашего возвращения пришел скорее, чем я ожидал, — проговорил старый рыцарь за спиной Джуллиана, но тот не повернулся к нему, — к концу недели мы будем далеки от крепости и войны. Вам не тревожно от этой мысли, сир Джуллиан?

— Если королю безразлична судьба этого берега, почему она должна волновать меня? — хмыкнул молодой командир и взошел на помост, — никогда не видел смысла в тревогах о вещах, которые я не в силах изменить.

Они поднялись на палубу, а оттуда сразу перешли в каюту. Большая часть воинов лежали у весел, бортов и на нижних ярусах. Джуллиан не покидал своих капитанских покоев большую часть дня в пути. Изредка он заходил в каюту Ригона Хайта, чтобы болтать по мелочам, однако любая мелочь из уст рыцаря звучала как непосильная его уму мудрость. Когда ночь укрывала море, Джуллиан поднимался на палубу, чтобы освежиться. Бриз веял прохладой, и она становилась все более ощутимой с каждым днем. В одну из таких ночей Джуллиан понял, что юг Эфирита третируют непривычно холодные ветра, и если спокойное море было хорошим знаком, то приходящие с Тольфута холода — весьма дурным.

Коротать время ему приходилось за любимым занятием — чтением, но читать книги в какой-то момент стало не так интересно, как письмо от Алакина. Джуллиан постоянно брал его в руки и по-глупому лыбился, читая давно заученные строки. У вас, сир, рожден мальчик, эту фразу он едва не стер до дыр одним взглядом. С этим письмом он засыпал и просыпался, и длилось это вплоть до прибытия к городскому порту.

— Дорога до столицы тоже займет время, — сказал сир Ригон Хайт, когда воинов спускали с корабля на землю. Без всяких указаний они сами выстраивались пешей колонной, во главе которой вставал Джуллиан и Ригон.

— Мы будем идти без долгих остановок, — заявил молодой командир, осматривая белокаменные дома, уходящие от берега ввысь, как сугробы.

— Вы, видно, сильно торопитесь во дворец, сир, — улыбаясь проговорил Ригон, поглядывая на Джуллиана искоса.

— Спешу к сыну, — и, наверное, к жене. К своему смеху он заметил, что даже по Алакину он скучал больше, чем по Женеви́еве. Желание смеяться исчезло, когда он подумал, что может встретить и Августина, и Лею. На войне, как оказалось, ему было безопаснее, чем в родном городе.

Путь занял больше пяти дней, потому что передвигалась колонна пешим ходом. Жажда не мучала их, поскольку знойное пекло не досаждало южным землям и не сушило им языки, но иногда приходилось лакать воду напрямиком из болотистых рек. Джуллиан, окрыленный скорой встречей с сыном, вовсе никакой усталости не ощущал. Что ему удалось почувствовать на подходе к Лире, так это удивление — в преддверии города он увидел весьма плотный слой снега. Разумеется, своей величиной он уступал снежным холмам севера, но солнечной столице такие сугробы раньше были незнакомы. Безлюдные замерзшие улицы и погибший урожай на огородах чудились плохим знаком, словно из дворца правит не король Георг, а сама смерть. Такой мертвой тишины он тоже не знал в стенах города. Тишина эта разбавлялась только мольбами.

— Весна придет совсем скоро, и это мракобесие закончится, — сказал Ригон, осматривающийся по сторонам не с меньшим удивлением, чем Джуллиан, — последний зимний месяц подходит к концу.

Хотелось бы согласиться со старым рыцарем, но что-то подсказывало Джуллиану, что проблема совсем не в зимних месяцах, а в короле Георге. Он никогда не был суеверным, тем более не в такой степени, как король, но по приданиям, Солнечный Бог дарует тепло только достойным правителям, а те, кто правят плохо, вынуждены терпеть холода и метели. К десятому году правления Георга столичные люди скорее начнут поклоняться Буревестнику, чем Безликому.

Колонна подступила к дворцовым вратам, но порог переходить не стала — стража пустила вовнутрь лишь двух сиров. Ригон Хайт оповестил, что тотчас направиться к генералу Фроссу, а Джуллиан заявил, что сначала зайдет к своему сыну. Об этом, впрочем, он твердил всю дорогу, так что старого рыцаря своеволие молодого командира ничуть не поразило.

Люди во дворце все те же, но узнать их сложнее — в глазах каждого зрел страх и презрение. Они смотрели в окна этими глазами, кутались в меха и шерсть, а на лицах у них зияла усталость и мертвенная бледность. Джуллиан не видел Избирателей, да и сенаторов он тоже не встречал, и его сердце вдруг болезненно сжалось от понимания, что одного сенатора он больше никогда не встретит — более ему не суждено посмотреть в строгие глаза Баула Хорвата. Джуллиан медленно шагал по лестнице на второй этаж, параллельно осматривая дворец так, словно видит его впервые. Мышцы сводило от неприятного чувства ностальгии и сожаления, будто все совершенные им ошибки рождались именно в этих стенах. Интересно, если Августу удастся штурмовать дворец, эта печаль разрушится вместе с его крышами? Джуллиану даже захотелось это проверить.

Забравшись на второй этаж он замер, когда увидел возле закрытых в тронную залу дверей Женевьеву. Она стояла в окружении королевских фрейлин, а выглядела так измотанно, что эти фрейлины чудились рыцарю краше, чем его жена. Никогда Ева не выглядела так скверно: исхудалая, спина сутулая, синяки под глазами едва не ярче, чем у Лизы, а кожа на щеках покрылась бледными сухими трещинами. Розовые губы, что было так приятно целовать раньше, сделались шершавыми и белыми. Джуллиан рассматривал ее долго, примечая, что прекраснейшая из придворных роз все-таки завяла. Он держался за перила и не мог вынудить себя подойти ближе, но жизнь вернулась в его тело, когда Ева медленно повернула голову к нему. Лазурные глаза округлились, словно она увидела призрака, а шершавые губы дрогнули. До этого момента она еще пыталась улыбаться, как бы плохо не выглядели эти попытки, но теперь с ее губ исчезло даже подобие.

— Я ожидал, что ты задушишь меня в объятиях в нашу новую встречу, — прохрипел Джуллиан, поняв, что Ева не собирается бежать сломя голову ему навстречу. Она мельком попросила женщин разойтись, и они послушно упорхали по разным коридорам, как прогнанные с куста птицы. Женевьева приросла ступнями к полу, вырисовывая силуэт мужа стеклянными глазами.

— А я ожидала, что ты не вернешься, — промолвила она сухими губами, и у Джуллиана пропал дар речи. Как бы не была велика его гордыня, но он первый зашагал ей навстречу, медленно, словно в страхе спугнуть ее или же себя.

— Ожидала или надеялась? — ледяным тоном проговорил он и поразился, заметив на ее лице немое согласие, — уж не была ли твоя надежда столь сильной, что ты решила не слать мне письма все это время?

— Письма? — горько ухмыльнулась Ева и отшагнула назад, когда Джуллиан подошел ближе, — почему тебе мои письма? Не хватало бревен для разведения костра в камине?

— Еще несколько месяцев назад ты была готова вцепиться в меня, чтобы никуда не отпустить, а сейчас остришь так, словно желаешь оттолкнуть навеки, — Еве от его замечания было пусто. Возможно, он прав, так и читалось в ее больших голубых глазах.

— Отталкиваю лишь тебе на радость. Ты ведь всегда мечтал освободиться от меня, разве нет? Даже сейчас я угождаю тебе, пускай и не хочу делать этого.

— Я хочу видеть своего сына, — отрезал Джуллиан, поняв, что эта перепалка вызывает в нем большой осадок. Он полагал, что видеть Женевьеву порой неприятно — но видеть Женевьеву чужой, не принадлежащей ему, было неприятней вдвойне.

— Я не позволю, — заявила девушка тихо, почти шепотом, но от этого шепота Джуллиан чуть не оглох. Ошеломление, покорившее его с головы до пят, стерло все краски с лица.

— Ты издеваешься надо мной? — выпалил он, и в зеленых изумрудах его глаз возгорелся гнев, — ты испытываешь мое терпение, Женевьева. Тебе ли не знать, что я делаю с людьми, которые позволяют себе подобную дерзость.

— Твои угрозы лишь больше убеждают меня, что я поступаю правильно, — ни испытывая ничего, кроме ненависти, ответила Ева, и Джуллиан со злости сжал ладони в кулаки.

— Я мчался сюда только ради своего сына, — сам того не ведая он припечатал ее к стене, сжав хрупкое плечо холодными пальцами. Ева не выдавала никакого страха, и Джуллиан не мог понять, притворяется ли она смелой или впрямь осмелела, пока он находился далеко, — мне нужно увидеть его. И это случится, с твоим согласием или же без него.

— Ладно, — ядовито улыбнулась Ева, смотря ему в глаза, — ты увидишь своего сына. Но после ты сам откажешься быть его отцом, и мы будем жить с ним без тебя.

— Что за бред ты несешь? — огрызнулся Джуллиан, отталкивая ее плечо, — твои игры утомляют меня, Ева. Обиды, что ты испытываешь, это твоя проблема, а не моя. Поэтому постарайся проглотить их, не досажая моим чувствам.

Женевьева прикусила язык, дабы не плевать желчью, накопленной ею за последние дни. Хотелось отравить Джуллиана одним взглядом, уничтожить его парой грубых фраз, но она довольно быстро осознала, что лучшим оружием против такого, как он, будет безразличие. Поэтому, высвободившись из его рук, она молча последовала на третий этаж к их покоям, сохраняя на лице удушающее равнодушие. Ее тактика оказалась как никогда точной — Джуллиану от ее молчания было больнее, чем от брани.

Они шли к нужным дверям в полной тишине. Ева шла впереди, он — сзади, а при любых попытках выровняться девушка убегала на два шага вперед. Играть с ней в догонялки было утомительно, поэтому он быстро согласился на ее негласные правила. Он был готов на все, лишь бы добраться до сына без никчемных препятствий.

Двери в спальню были закрыты с другой стороны на ключ, и Ева постучала несколько раз, чтобы двери открыли. Вместо скрипа скважины, они услышали знакомый голос, от которого у Джуллиана запульсировало сердце.

— Кто там? — спросил Кай по ту сторону, и девушка незамедлительно назвала свое имя. Пока Пламенный возился с ключом, Джуллиан смотрел на Еву злобными глазами.

— Почему он сидит с моим сыном? — жестким голосом спросил он, но девушка все также равнодушно пожимала плечами.

— Он защищает моего ребенка, если я покидаю опочивальню, — спокойно ответила она, и дверь открылась. Теплая улыбка, нарисованная на лице Кая, обмякла при виде Джуллиана. Пламенный загородил проход, громко сглотнув, и пустил вовнутрь только Женевьеву.

— Отойди, Кай, — улыбочиво пролепетал Джуллиан, стараясь выровнять буйное дыхание, —пусти меня к моему сыну, пока я тебя не выпотрошил.

— Не так быстро, — слабым и неуверенным голосом ответил Пламенный. Ева напряглась. Она не забыла, что бывает с людьми, играющих на струнах терпения ее мужа. Тем более не забыла, что он горазд сотворить с одаренными.

— Вы тут все сговорились? — шире улыбнулся Джуллиан, поглядывая на парочку, как на идиотов, — Ева уже достаточно вывела меня из себя, запас терпения почти иссяк. Давай не будем проверять, что я сделаю, если он сократится до нуля.

— Пусти его, Кай, — ровный тон Евы снова полоснул по его сердцу, как нож, — пусть увидит своего сына. Эта встреча обещает быть последней.

Кай нехотя отошел в сторону, а после удалился к самому дальнему углу возле закрытого наглухо окна. Встал там, как надсмотрщик, только без меча на поясе, и словно выжидал, когда будет сигнал идти в атаку. Женевьева тихонько прикрыла двери, оставив в скважине ключ, и прислонилась к полотну лицом — впервые с момента их встречи она ощущала не контролируемый страх. Джуллиан осмотрел их с поднятой на лоб бровью, пытаясь предугадать, в чем причина их странного поведения, но сил на думы было также мало, как терпения, поэтому он пошел к маленькой кровати с нависшим полупрозрачным балдахином. Замотанный в пеленки младенец сладко спал, оттопырив полный животик кверху, и Джуллиан не сдержал дрожащей на губах улыбки. Он протянул пальцы к его крохотной голове и ласково провел ими вдоль

череп. Малыш, несмотря на свою крохотность, уже выглядел достаточно крепким. На его расслабленном безмятежном лице Джуллиан разглядел свои очертания: прямой нос, слегка приплюснутый лоб и неглубокие скулы, скрытые за детскими щеками. Когда он вырастет, будет копией меня, подумал он и почувствовал приятное тепло, прошедшее по всему телу волной.

— Я хочу разбудить его. Услышать его голос, — прошептал Джуллиан, и Ева задержала дыхание. Если малыш проснется, он увидит его золотые глаза, а в порыве гнева он сможет их выдавить, с ужасом подумала она.

— Мервин мало спит. Зачастую он кричит и ворочается, не давая мне покоя, — проговорил Ева в надежде, что ее слова отвернут Джуллиана от затеи. Он замер, услышав имя, которым она назвала их ребенка.

— Мервин? — переспросил он сухими тоном, — почему ты дала ему имя, не посоветовавшись со мной?

— Потому что мне не нужны твои советы, — пустяково бросила Ева, не отворачиваясь от двери, — я — его мать, и власти над ребенком у меня больше, чем у отца, который променял его на войну и шлюх.

Джуллиана задела ее слова, но перечить он не стал. Спорить об этом сейчас то же самое, что спорить, какого цвета снег — черного или белого. Поэтому он, поджав губы, снова повернулся к ребенку; тот, будто чувствуя страх матери своим маленьким сердечком, проснулся. Он открыл глазки, распахнул губы и уставился на отца с тихим любопытством — словно узнавая в этом взрослом мужчине себя, Мервин мягко улыбнулся и хихикнул. Джуллиан улыбаться перестал, когда при тусклом свете восковой свечи в глазах мальчика мелькнуло золото.

— Что это было?, — выпалил он громче, чем рассчитывал. Каждая мышца в теле налилась тягучим свинцом. Мальчик моргнул и снова улыбнулся, и золотые капли в его глазах возгорелись ярче. Джуллиан изменился в лице столь же резко, как погода в столице — его брови низко опустились вместе с концами губ, лицо стало не то белым, не то трупно серым. Жене-вьева отлипла от двери и медленно развернулась, едва сдерживая слезы. Муж стоял к ней спиной, и у нее все внутри сжалось при виде его грозно вздымающихся плеч. Кай увидел, как посветлели костяшки Джуллиана, когда он вцепился пальцами в перила кровати, и ему стало страшно, что он перевернет люльку вместе с мальчиком, — Что это, мать твою, было? — глаза не прекращали мигать золотом. Ева прерывисто всхлипывала, переглядываясь с Каем. Джуллиан развернул голову к жене, и тогда она увидела его обезумевшей взгляд, полный пляшущих чертей.

— Все так, Джуллиан, — продрогшим голосом процедила она и вдруг вытащила кухонный нож из-под складок платья. Ева после рождения Мервина не выпускала острых предметов из рук, — ты все правильно понял. Наш сын — Пламенный.

— Нет, — сморщившись выплюнул Джуллиан, отходя от кровати, — это не может быть правдой. Это не мой ребенок. Не мой сын. Мой сын не мог родиться дьяволом.

— Он не дьявол, — воспротивилась Жене-вьева, сжав рукоять крепче, — это мой Мервин. Мой мальчик родился с золотыми глазами, но они не делают его хуже других людей.

— Что ты наделала, Ева? — прошипел Джуллиан, надвигаясь в ее сторону с напором разъяренного хищника, — ты родила мне не сына, а отродье. Почему ты сделала это?

— Я не виновата. Бог послал мне этого ребенка, и я буду любить его таким, какой он есть. А твоей любви я не прошу, — она утерла мокрую от слез щеку, — если тебе противен мой сын, просто убирайся отсюда. Но попробуй его тронуть, и я отрежу все пальцы с твоих рук, — Джуллиана ее угрозы ничуть не пугали, разумеется, но его пугала ее свирепость. Свирепость не казалась ему материнской заботой — так ведут себя люди, попавшие в плен Пламенных уродов. Они теряют себя и свои лица, и все, на что они способны — быть привязанными к одаренным. Моя жена тоже угодила в их золотые сети, горько ухмыльнулся Джуллиан, качая головой. Но как это могло случиться со мной? А вдруг, этот ребенок вовсе не мой? Джуллиана

так ущипнула эта мысль, что он мгновенно встряхнулся. Посмотрел на Кая взбешенными глазами, сложив неприятный пазл воедино.

— Так вот кто виноват в рождении этого ребенка, — ухмыльнулся Джуллиан, прожигая взглядом непонимающее лицо Пламенного, — волосы и глаза у него в точности твои, Кай. Твое семя отравило плод в утробе Евы, не так ли?

— Ты сбрендил? — поражено выпалил Кай. Вжимаясь в угол всем телом, он наблюдал, как Джуллиан подкрадывается все ближе, — во-первых, это так не работает. Рождение Пламенного не требует родства с таким же одаренным, — его слова ничего не значили в момент, когда Джуллиан шел к нему, оглушенный гневом, — а во-вторых, я не трогал Еву. Не брал силой. В отличии от тебя я ценю ее чувства.

— Ты думаешь, я поверю тебе? — он схватил Пламенного за воротник мантии и со всей силой вписал его затылком в стену, так, что перед золотыми глазами Кая посыпались золотые брызги, — я, по-твоему слабоумный, чтобы верить жалким оправданиям?

— Я не трогал Женевьеву! — упрямо вторил Кай, плотно зажмурив веки. Его губы подрагивали, и речь становилась несвязной, словно он пьян, — это твой ребенок, Джуллиан, твоя кровь, правда куда более ценная, — Женевьева шла к ним, выставляя нож вперед. Мервин громко заверещал в кровати.

— Отпусти его, Джуллиан, — процедила Ева, и он посмотрел на нее через плечо. Затупленное острие, негодное для угроз, маячило возле его лопаток, — Кай говорит правду. Я не позволила ему трогать себя.

— Почему же? — ухмыльнулся Джуллиан, отвесив Каю кулаком по скуле. Бордовая отметина воспалилась лишь на секунду, а после мгновенно исчезла, — я вижу, что вы близки, как обрученные любовнички. Почему же ты отказала ему, а, Ева?

— Потому что всегда любила только тебя, подонок, — ее тощие кисти задрожали, едва не выронив нож. Даже нож не ударил бы сильнее, чем ее слова сейчас. Он отошел назад, и, тяжело дыша, смотрел то на нее, то на Кая. Оба они заметили, как изумрудные глаза Джуллиана постепенно покрываются прозрачной пеленой слез.

— Ну почему все так, — прошептал он, опустив белокурую голову. Уткнувшись лицом в ладонь, он из последних сил сдерживался от плача, — почему все так? Почему мой первенец родился *таким*?

— Не знаю, — прошептала Ева, пустив слезу по щеке, — я тоже была напугана, Джуллиан. Тоже отказывалась верить, что у него не твои глаза, — она подошла ближе и накрыла ладонью его скулу, — но потом я увидела, что у него твой нос. Твои губы. Твои черты, такие точные, словно он твой маленький двойник. И я поняла, что плевать хотела на его дар. Я его мать, а ты его отец, и наш долг любить его и защищать.

Джуллиан накрыл своей ладонью ее руку и аккуратно сжал. Плотно сомкнув веки, он приводил дыхание в норму, поглаживая ее острые костяшки. Сердце постепенно успокаивалось, уже не торопясь разбивать ему ребра, и гнев улетучивался из тела вместе с болью. Он снова посмотрел на кровать, откуда доносился стихающий плач Мервина, и вдруг ноги повели его ближе к деревянной перегородке.

— Оставьте меня с ним, — прохрипел он, но Кай и Женевьева неохотно разделяли эту идею. Все еще боясь, что я убью его, осознал тот и грустно усмехнулся, — я клянусь, что не стану вредить своему сыну.

— Я боюсь оставлять вас наедине, — призналась Ева, и Кай подошел к ней, чтобы вывести из комнаты. Она таращилась в белокурый затылок, прокручивая в голове всевозможные ужасные исходы их уединения.

— Обещаю, Ева, я не сделаю зла своему ребенку, — повторил Джуллиан настойчивее, — я просто хочу побыть с ним. Мне не нужно много времени.

—...Хорошо, — сдавшись, девушка ушла вместе с Каем за дверь, прикрыв ее неполностью и оставив тонкую щель. Не доверяет мне — понял Джуллиан, но ничуть ее не винил. Я бы себе тоже не доверял.

Когда они остались наедине с сыном, он поднял его из кроватки и прислонил крохотное тельце к панцирю доспеха. К этому моменту мальчик окончательно успокоился, перестав верещать на весь дворец, и золотыми глазками молча рассматривал лицо отца. Джуллиан плавно кружил с ним по комнате, ощущая, как слезы вновь жгут глаза. Младенец в его руках улыбался, плюясь слюнями, и вытягивал пухлые ручки к белокурым волосам. У тебя тоже могли быть такие, по-доброму ухмыльнулся Джуллиан, позволяя коротким пальчикам наматывать светлые пряди; но у тебя будут другие, рыжие, цвета осенних листьев... и они тоже будут красивыми.

Глава 3

Казармы опустели, когда милорд Товен Рейси приказал командирам собрать людей в поход. За стенами замка, среди белоснежной бездонной пелены снега, строились воины, укрытые кольчугами и мехами. Их темное пятно было столь огромным, что перекрывало белизну снегов, словно возле города образовалась черно-серая пропасть. Я стояла на бастионе башни, возле молчаливых часовых, и осматривала построенные шеренги. Мелкие снежинки парили возле моего носа, с губ струился полупрозрачный комок пара — стоило вернуться в замок, но мои ноги не отрывались от каменной плитки.

Я была загружена переживаниями, оставшимся неприятным послевкусием с последнего собрания, где София выдвинула свои условия. Ее желание поженить Августина и Иванну мешало моему сну и аппетиту. Бесконечно размышляя о ее требовании, я металась от одной скверной мысли к другой — что, если отказ Августина разрушит наши планы? Что, если мой эгоизм приведет Пламенных к гибели? Будущее без Августа, однако, было не менее мрачное. Такое будущее морозило душу, и никакой огонь не мог ослабить этот холод.

— Последнее время ты очень задумчивая, Лея, — Август подкрался ко мне незаметно, и от его голоса я вздрогнула, как от порыва ледяного ветра. Он встал рядом, одетый в доспехи и теплый плащ из шерсти с меховой оторочкой из белой норки на воротнике. Медленно повернув к нему голову, я с печалью осмотрела его острые черты, бледную кожу с румянцем на скулах, густо-серые глаза и плотно сложенные побелевшие губы. В каждом дюйме его лица крылось нечто родное, любимое, теплое, несмотря на окружающую нас северную зиму. Это чувство овладело моими руками, и они, без моего ведома, легли на его щеки.

— Задумчивая. Не без повода, — прошептала я, поглаживая его скулы. Августин накрыл мои ладони своими, и взгляд его сделался печальнее. Он и так понимал, какими мыслями занята моя голова.

— Твои переживания напрасны. Я уже дал леди Софии свой ответ, — уголки моих губ упали вниз. Мы ошибаемся, Август, хотелось выкрикнуть мне, и я прикусила язык.

— Ты уверен в своем ответе?

— По-другому быть не может. Зачем бы я давал ответ, в котором не был бы уверен?

— Леди София всегда получает то, чего хочет.

— Ей придется учиться идти на уступки.

— Видишь эту армию, Август? — я указала рукой на пустоши, устеленные снегом. Не меньше пяти тысяч человек все еще держались одного места, пока командиры не дали команду разойтись, — мы можем лишиться ее из-за твоего упрямства.

— Упрямства? — выпалил он, нахмутив брови, — думаешь, дело в моем упрямстве? — он подошел ближе и поднял мое лицо, коснувшись пальцами подбородка, — я поступаю так, потому что поклялся тебе. Напомню, что ты тоже дала клятву. И что я вижу теперь? Готова отказаться от меня при первой же трудности.

— Не думай, что я мечтаю отдать тебя миледи Иванне, — скинув его пальцы со своего подбородка заявила я, — я лишь боюсь проиграть в грядущей войне.

— Я не собираюсь жертвовать своим счастьем из-за капризов привередливой старухи, — он покачал головой, тяжело вздохнув, — а ты? — вдруг спросил он, подняв на меня тучный взгляд, — ты готова пожертвовать нами?

— Боги, нет, Август. Я не хочу этого, также сильно, как ты.

— Я не верю тебе, Лея, — он прошел дальше по стене, остановившись на середине, и вцепился в ограду, свесив голову вниз, — я видел твою задумчивость и прекрасно понимал, о чем твои мысли. Ты была готова отпустить меня. Не нужно со мной спорить. Я снял белый плащ, но моя пронизательность не исчезла вместе с ним, — я открыла рот, чтобы запротестовать, но

быстро поняла, что солгу. Подошла ближе к нему, желая коснуться его плеча, но он увернулся от моей руки и отшагнул еще дальше. Полуденное солнце светило ярким желто-белым пятном, и тысячи блесков на снегу переливались под нашими ногами. Я ковыряла носом ботинка снежную кучку и закусывала губу, не зная, как мне оправдываться. На этой высоте свободно гуляющий ветер ощущался сильнее, и его вой раздавался громче моего голоса. Несколько раз я открывала рот в безуспешных попытках заговорить, но вместо слов на мои губы запрыгивали холодные снежинки. Августин стоял спиной ко мне, сгорбившись над перегородкой.

— Я правда боялась, что ты выберешь леди Иванну, — заговорила я спустя долгую тишину, — боялась, что иного выбора нет. Это безысходность, Август, а не мое желание отдать тебя другой.

— Я бы никогда не выбрал другую, — отрезал Августин, не поворачивая головы, — знаешь почему? — одна смелая догадка крутилась в мыслях, но я молчала, позволяя ему ответить за меня, — потому что я люблю тебя, — эти слова, которые я ждала так долго, он произнес быстро, словно в страхе потерять язык к концу предложения. Не думала, что услышу их в таких странных обстоятельствах, но лучше так, чем вовсе их не услышать.

— И я люблю тебя, — прошептала я в его спину, и тогда он медленно развернулся ко мне. Ветер разгонял его черные пряди, открывая белоснежное лицо полностью, и на нем я видела столько волнения, словно мы были детьми, что впервые пробуют на вкус поцелуй.

— Мне нужны доказательства, — заявил он, шагая мне навстречу, — ты готова доказать мне, что твои слова не ложь, брошенная лишь ради моего спокойствия?

— И как мне доказать это? — слабо ухмыльнулась я, смотря на него снизу вверх, — прыгнуть за ограду и разбиться насмерть во имя нашей любви?

— Зачем же нам такие кровавые методы? — тоже ухмыльнулся он, взяв меня за руку, — все гораздо проще. Мы тайно обвенчаемся прямо сейчас.

— Что? — вырвалось из меня вместе с улыбкой, — ты шутишь?

— Я все продумал, Лея. Да, приходится поторопиться, но к твоему счастью я договорился о тайном венчании еще в первые дни нашего прибытия в Норквиль, — он позвал меня за собой, и мы направились к спуску с городской стены. Скользкая, покрытая тонкой корочкой льда лестница из камня вела нас к белой земле. Августин держал меня за руку, чтобы я не свалилась прямо в сугроб и отпустил лишь, когда мы сошли с последней ступеньки. Мимо нас ездил повозки, нагруженные рудой, что едва не переворачивались, когда бедных, подвязанных к изголовью мулов заносило на ледяных тропах. Люди таскали ведра с водой — к удивлению, вполне жидкой, не успевшей замерзнуть и превратиться в кусок льда — другие несли забитые кусками мяса корыта. Жизнь в холодном городе кипела, и этот день ничуть не отличался от всех прочих, но я не могла поверить, что в этот день мы с Августиним поженимся... Это событие наступило спонтанно, а я, проснувшись сегодня в своей кровати, даже не представляла, что к вечеру возьму его фамилию.

— И куда мы идем? — спросила я, не сбавляя шага. Августин шел уверенно и быстро.

— Думаю, это очевидно, — все, что ответил Августин, а после смолк. Мы прошли две или три пылающие жаром кузницы, прошли длинные дома с выходящим из дымоходов паром, и пару раз я случайно задела плечом идущих навстречу крестьян. Они нередко таранились в наши спины, потому что мы сильно отличались от других живущих в городе людей; по Августину несложно догадаться, что он провел всю жизнь в столице, из-за его ровной осанки, не тронутой сухими трещинами кожи и шелковистых волос. Мне стало беспокойно от мысли, что один из прохожих мужчин или женщин доложит о нашей прогулке леди Софии. *Я всегда получаю то, что хочу* — держалась ее фраза в моей голове вместе со страхом, как она обойдется с нами, если не получит желаемого.

Мы остановились у Солнечной церкви — единственной во всем городе. Золотой купол мягко блестел под дневным солнцем, но если случайно задеть его взглядом, можно обжечь

глаза. Прихожан здесь мало, а на ступенях возле дверей и вовсе пусто; помолиться сюда заходят, наверное, лишь по приказу миледи, что не готова отпустить традиции своей королевской семьи.

— Ты готова? — спросил Августин, повернувшись ко мне через плечо. Казалось, что мой ответ не сильно его интересует, и он задал вопрос лишь из вежливости.

— Да.

Он кивнул, а после скорым шагом поднялся по ступеням вверх, утягивая меня за собой. Тянул так напористо и требовательно, словно волок в плен, а не к алтарю. Когда мы заходили вовнутрь, я все еще чувствовала чужие взгляды на наших затылках. Некогда тревожное предчувствие постепенно сменялось приятным волнением, сладким, от которого сводило мышцы. Я смотрела в черный затылок Августина, считая секунды про себя — в одну из этих секунд я стану частью его семьи. Нашей. Не могу поверить, что во всей суматохе, находясь на другом конце королевства, мы нашли день для такого события. Думаю, мои мать и отец лили бы слезы счастья за меня, не будь их души заперты в Черном лесу.

Солнечная церковь внутри ничем не отличалась от столичной: такие же простые голые стены, лавочки из темного и светлого дерева, скромные убранные пафоса и роскоши. Красная плитка пола, изваяние Безликого, опустившего громоздкое пустое лицо к алтарю, две фрески, изображающих объятия солнечных ангелов. Белый алтарь пустовал, но вскоре его займет жрец, что обвяжет наши руки шелком — свяжет наши сердца отныне и навеки. Пока мы шли вперед, мои ноги становились мягкими, и мне показалось, что я вот-вот упаду на пол. Он здесь твердый, гладкий, падать будет явно больно. Чтобы удержаться на ногах, я взяла руку Августина, и он спрятал мою ладонь в изгибе локтя. Его лицо ничуть не менялось, оставалось таким же спокойным, с долей строгости, словно мы пришли на очередной военный совет, а не получить благословение на любовь. И все же, изредка касаясь его ладони, я ощущала ее легкую дрожь. Он переживает, но умело прячет эти чувства под маской невозмутимости. Когда мы оказались у подножья алтаря, из узкого прохода сбоку вышел человек — но не старый жрец, как я ожидала, а наша подруга Аглая Эриксон.

— Аглая... Почему вы здесь? — спросила я тихо, но эхо все равно ударило по высоким стенам. Женщина шла к нам навстречу, скромно улыбаясь, и держала кисти рук в широких рукавах коричневого платья. Пшеничная коса сложилась ровным кругом на ее затылке.

— Я здесь по просьбе Августина. Вам нужен свидетель, что запечатлеет ваши клятвы.

— И вы не против, что мы... так *грубо* даем Софии отказ?

— Разумеется, я не против, — посмеялась Аглая, проходя к длинной лавочке. Сев на нее, она посмотрела на нас потеплевшими глазами, — затея Августина, как мне кажется, неосторожная. Но осуждать любящее сердце я точно не буду, это не мое право. Вам стоит поторопиться, пока леди София не заметила вашего отсутствия, — с замечанием Аглаи сложно поспорить. Не сомневаюсь, что гордости в Софии также много, как гнева, а ссориться с ней нам сейчас не по карману. Войско, в любом случае, уже собрали — она его не отняла вопреки своим угрозам.

К нам вышел Солнечный жрец: бледнокожий, как все северяне, с впалыми глазами и темно-коричневыми сальными прядями до плеч. В отличие от столичных жрецов этот светом не брезжит, и больше походит на мученика. Лишь золотая ряса, переливающаяся от окон, украшенных фреской, наполняла его солнечным теплом. Он скомандовал нам с Августином встать лицом друг к другу. Смотреть ему в глаза было больно и приятно в одночасье, потому что сейчас его глаза бурлят нетерпимостью, страстью и желанием. Сейчас все, о чем я могла думать, так это о страхе случайно воспламениться, и о том, что для такого важного события я не успела принарядиться. Еще и волосы от ветра спутались, и наверняка лежали на голове гнездом.

— Будете ли вы любить своего мужа вечно, также непостижимо долго, как светит солнце? — заговорил вдруг жрец тяжелым, глубоким голосом. От неожиданности я резко вздохнула

и посмотрела в его старое лицо с неявной растерянностью, чем позабавила Августина. На его губы едва не прорвалась улыбка.

— Буду.

— Будете ли вы любить своего мужа безусловно, также слепо, как Солнечный Бог любит свое творение? — смотрю на Августа и не могу поверить, что его зовут моим мужем.

— Буду.

— Будете ли вы любить своего мужа с теплотой, также горячо, как греет солнце нашу землю?

— Буду.

В наших руках не было зажженных свечей, что держали на своей церемонии Джуллиан и Ева, но у нас, в отличии от них, нет времени на такие мелочи. Каждая минута бесценна, и я понимала это, когда косилась на Аглаю и видела ее взволнованность.

— Будете ли вы любить свою жену вечно, также непостижимо долго, как светит солнце?

— Августин встрепенулся, выпрямив плечи, и беззвучно сглотнул.

— Буду.

— Будете ли вы любить свою жену безусловно, также слепо, как Солнечный Бог любит свое творение?

— Буду.

— Будете ли вы любить свою жену с теплотой, также горячо, как греет солнце нашу землю?

— Буду.

Наверное, такие клятвы на севере кажутся людям бессмысленными: солнце они видят редко, и теплом они не богаты. Однако люди, выросшие в столице и на юге, чувствуют силу в этих словах. Жрец спросил у Аглаи, согласна ли она с этим союзом, и женщина молчаливо кивнула, после чего он обвязал наши руки золотым шелком и благословил наш брак.

— Отныне ты Лея Хорват. Теперь по-настоящему, — прошептал Августин и аккуратно припал к моим губам. Наши пальцы переплелись, ласкаясь о лоскут блестящего шелка. Нежный поцелуй закончился быстро, когда нас прервал голос Аглаи:

— Искренне рада за вас, конечно, — с улыбкой заявила она, поднимаясь с лавочки, — но нам нужно спешить. Когда мы победим, у вас будет время отпраздновать этот день, но не сегодня.

В замок милорда Рейси мы вернулись с наступлением ранних сумерек. Весь путь мы держались за руки, но стоило нам подойти к воротам, как мы немедленно расцепили руки и взошли на крыльцо, сохраняя приличное расстояние. Стало вдруг холодно и тоскливо, словно те чудеса в Солнечной церкви мне приснились, а сейчас я окунулась в ледяную прорубь реальности. Августин умело сделал вид, что помимо дружбы нас ничто не объединяет, и я с легкостью поверила его игре, поэтому тоска стала сильнее. Аглая тоже делала вид, будто не давала согласия на наш брак еще час назад — и только я шла потерянная оттого, что наша сказка так быстро закончилась.

В чертоге нас встретил Феодор. Стоило ему заметить Августа, как он заулыбался, спрыгнул с кресла и достал меч из ножны.

— Не желаешь ли сразиться со мной? — задорно проговорил он, покручивая рукоять, — я тренируюсь каждый день, уверен, сегодня мне будет по силам тебя одолеть.

— Вы повторяете это чаще, чем тренируетесь, милорд, — устало улыбнулся Августин, не торопясь на битву с Феодором. Казалось, бурные чувства так измотали его, что милорду и впрямь удастся одержать над ним верх сегодня.

— Я полон решимости, — пожал плечами тот и ловко перекинул меч в другую руку, — уже предчувствую твое поражение.

— Почему именно я? У вас полно других опытных воинов, с кем можно сразиться, — приглушенно посмеялся Августин, забавляясь с ребячества Феодора. И как этот потешный паренек собрался вести армию на штурм королевского дворца?

— Я не хочу биться с ними, они скучные и часто мне поддаются, — надув губы, как маленький ребенок, заявил Феодор, — хочу драться с тобой. С Избирателем.

— И, возможно, с будущим мужем твоей сестры, — вдруг вклинилась София, медленно спускающаяся с лестницы. Я, по привычке, замерла и выпучила на нее открытый глаз. Она смотрела на меня с презрением, так, словно видела, как моя рука привязана к руке Августина брачным шелком. Легкая ухмылка на ее губах давала понять, что, несмотря на наше своеволие, ситуация была полностью под ее контролем, — у Августина нынче много обличий. Избиратель, зять, освободитель, — она спустилась к нам, придерживая клочки бархатистой юбки в руках, — сложно победить того, кто носит столько лиц, не так ли?

— Много лиц — пустяк, — хохотнул Феодор, почесывая острием меча колено, — вот было бы у него много рук — это уже проблема.

— Ты не хочешь сразиться с моим сыном, Августин? — ухмылка Софии вытянулась длиннее, — вижу, отказывать моим детям входит у тебя в привычку.

— Не считите за дерзость, все дело в том, что у нас с Феодором в опытности огромная пропасть, — пожал плечами Август, — побеждать его из раза в раз не приносит мне удовольствия.

— Сегодня ты проиграешь, — выставив острие к серебряной груди Августина заявил Феодор, — горечь поражения принесет тебе желаемое удовольствие, охотник?

— Возможно, — смиренно выдохнув ответил он, убирая острие от себя махом руки, — всегда приятно видеть, когда ученик превосходит учителя.

— Плевать на победу. Главное — это пробовать и не сдаваться, — София положила ладонь на плечо Феодора и вернула свою внимание ко мне, — пускай мальчишки тешат самолюбие в драке. Мы с Леей проведем вечер за разговорами. Разговоры — это наше главное оружие, так ведь? — неужто она собирается биться против меня словами? В любом случае, ее предложение звучало, как вызов.

— Не смею вам отказать, миледи, — поклонившись ответила я, и София удовлетворенно вздернула острый подбородок.

— Славный ответ. Учись у нее, Августин, — ее замечание заметно подкосило настроение парня. Аглая, стоявшая за нашими спинами, смотрела на Софию с недоверием. Ей, как и мне, предложение миледи не нравилось, но она не впала в спор и не предложила составить нам компанию. Молча наблюдала, словно просчитывая, что может совершить София за недолгие минуты уединения со мной, — пойдём в мои покои, Лея. Я как раз приказала прислуге сварить свежее вино с медом и пряностями.

Не дожидаясь моего ответа, она повела меня к лестнице. Кинув беглый взгляд на Августа, что готовился выйти на задний двор с Феодором, я зашагала по ступеням. Поднималась с таким прискорбием, словно меня ведут на виселицу, хотя любой день рядом с Софии ощущался и того хуже. В мыслях мелькали лица обезглавленных мужчин: синие, зеленоватые, покрытые инеем и вздутыми венами. Как мне не хочется оказаться рядом с ними сегодняшним вечером. Проходя мимо оконных отверстий формы ромба, я видела жгуче-красный закат, цвета пролитой на серый мрамор крови. А вдруг это недобрый знак? Холодный ветер протяжно выл на этой высоте и гонял оконные ставни туда-сюда, и они громко хлюпали, отбивая невнятный ритм по стенам. Их заглушал топот воинов, которых до сих пор строили на пустошах возле города, и, подобно ветру, командиры тоже гоняли их туда-сюда. Словно их не готовят к походу, а дрессируют, как собачек.

Двери в покои миледи томно мерцали рубинами: камни украшали деревянное полотно красными слезами. Весьма символично. Кажется, леди София очень любит красный цвет крови

и чужие слезы. Из ее дверей выбежала миниатюрная девушка не сильно старше меня: волосы у нее русые, взлохмаченные, губы искусаны до крови и обветрены, а взгляд напуганный. К груди она прижимала несколько колб разных форм, вытянутые, круглые и овальные. В спешке поклонившись миледи, она пробормотала что-то несурзное и убежала прочь.

— Она выглядит весьма напуганной, — заметила я, слушая клацанье ее низких каблучков, оставляющих после себя призрачное эхо. София открыла двери нараспашку, приглашая меня вовнутрь.

— Все, кому выпадает честь убирать мои покои, выходят оттуда напуганными, — пустяково бросила София, заходя в комнату, — не думай, что они находят здесь оторванные руки или выбитые зубы. Я просто не люблю, когда прибираются плохо.

— Надеюсь, головы на шпильях принадлежали не уборщикам, — неловко посмеялась я, но София спокойно пожала плечами, так, словно это могло быть правдой, и тогда улыбка пропала с моего лица.

— Мой лорд-муж будет занят на совещании с командирами вплоть до полуночи, если не дольше, так что никто не станет отвлекать нас от беседы, — как бы мне хотелось, чтобы милорд Рейси пожаловал в покои раньше полуночи. Вдруг, леди София не отпустит меня до восхода солнца? Ее пронзительный взгляд был хуже любой пытки Кая, когда он брал меня в плен.

Она усадила меня на кресло возле растопленного очага, над которым висел портрет Иванны, нарисованный не так давно. Краска казалась свежей, и один лишний мазок мог испортить все труды Августина. София поставила на низкий столик графин вина, от которого тянулся густой пар, и две пустые чаши. Сев напротив, она подняла голову к портрету дочери и довольно ухмыльнулась.

— Хорошая работа, — произнесла леди София, наливая вино сначала мне, а потом себе, — Августин талантлив. Нечасто встречаешь людей, что обладают такими разными талантами.

— Разными?

— Убивать и рисовать не одно и то же, я об этом, — усмехнулась миледи и взяла чашу в руки, — не у всех руки способны творить прекрасное и ужасное.

— Ваши руки творят только ужасное или только прекрасное? — осмелилась спросить я, беря чашу по ее примеру. Леди поднесла ее к губам, но остановилась, услышав мой вопрос, а я пожалела, что задала его.

— Мне руки совсем ни к чему. Чтобы творить ужасные вещи я использую чужие руки, а чтобы творить прекрасное, я использую мозги, — я сделала глоток, ощущая, как мой язык ошпаривается и мгновенно остывает. Горячая температура не может мне навредить, но для леди Софии я сделала вид, будто ощущаю боль ожога, — в моем прекрасном многие видят сплошной ужас, но я с ними не согласна.

— Например?

— Помнится, я покарала одного насильника, приказав целой казарме солдат насиловать его два дня и две ночи, — София потупила взгляд в пустоте, и впервые за время знакомства я увидела тень улыбки на ее губах, — он рыдал, умоляя Буревестника дать ему сил выдержать это испытание. Тридцать две женщины обвинили этого мужчину, поэтому я попросила шестьдесят четырех мужчин насиловать его, чтоб ему было большее и омерзительнее вдвойне.

— И что... потом?

— Он умер от разрыва органов, — смешком ответила София, покручивая вино в чаше, — я считаю, что в моем приказе было много прекрасного: возмездие, справедливость, покаяние. Но для других оно стало сущим ужасом. Хотя жалоб на насилие впоследствии было гораздо меньше.

— Это... весьма сурово, — честно призналась я, делая еще один глоток, — мужчинам, которым вы приказали творить эти непотребства, наверное, было тяжело.

— Им стоило просто закрыть глаза и представлять на месте этого насильника прекрасную деву, — отмахнулась София, — не стоит так переживать за них. Я ведь не чудовище, поэтому я одарила их золотом за послушание.

— Золото помогло им забыть ваш кошмарный приказ?

— У золота, как и у Пламенных, есть особый дар: оно лечит раны, только душевные. И почему мой приказ находят кошмарным? Никогда этого не пойму.

Я снова подняла голову, чтобы посмотреть на портрет Иванны. Ее нежные черты и мягкий взгляд так отличились от наружности леди Софии, что я бы с легкостью поверила, что она вылезла из другой женщины. Слова Иванны, сказанные ее устами, сравнимы с пением птиц или с шелестом весенней листвы; но слова Софии, сказанные сейчас, сравнимы с ударом хлыста. Я сделала глоток побольше, чтобы расслабить голову, и сморщилась от странного привкуса. Северное вино отличалось от столичного и южного неприятной горчинкой.

— Так... о чем вы хотели поговорить? — опомнилась вдруг я, поняв, что мы, очевидно, не приступили к главной теме. София сощурилась и снова покрутила чашу.

— Примерно о том же. Раньше я полагала, что у всего есть цена, а золото способно решить любую проблему и сгладить любой острый угол. Но я начала сомневаться в своем представлении после знакомства с Августином. Кажется, этого мужчину купить не так просто.

— Скорее, абсолютно невозможно.

— И как же, в таком случае, тебе удалось его получить? — от ее прямолинейности я обомлела, и вино чуть не вылилось обратно в чашу через ноздри. Красная капля скатилась в горло на вздохе, и я тут же закашлялась.

— Я не покупала его. Вам известно, что я происхожу из семьи крестьян. У меня нет золота, чтобы покупать себе платья, не то, что людей.

— У Августина очевидно все измеряется в другой валюте, — заявила София, подняв бровь, — брак с Иванной мог дать ему власть, богатство, влияние. Их дети смогли бы укрепить как ее род, так и его. Но молодого Хорвата достаток явно не интересует, и вместо благ он выбрал одноглазую простолюдинку, что не способна дать ничего, кроме женской прелести между ног. Поэтому, Лея, мне и интересно, чем ты смогла его купить.

— Ваши изречения граничат с грубостью, — я напрягла кулак. Была бы София столь бестактной, если бы знала, что я могу спалить ее дотла одним махом руки?

— Я могу позволить себе грубость, милая.

— Почему вы так уверены? Потому что вы дочь короля Воранда и жена лорда-наместника?

— Потому что вы зависите от меня, а не я от вас.

— Я не позволю вам помыкать нами только потому, что у вас есть армия, — я резко поднялась на ноги и почувствовала, как кружится голова. Я и не представляла, что выпила так много, — не думайте, что мы настолько беззащитны.

— Осторожнее, Лея, гордыня рушит не только судьбы людей, но и целые королевства, — лицо Софии расплывалось перед моим взором, а ее ухмылка раздвоилась и задрожала. Ее комната меркла во тьме и мигала, как трепещущий на факеле огонь. Мои кости стали мягкими, как глина, и во рту было сухо, сколько бы слюней не появлялось на языке. Подняв голову к портрету Иванны, мне почудилось, что краска на полотне стекает разноцветными ручьями прямоком на раскаленный очаг. В этот момент я осознала, что мою голову вскружило не опьянение: вино, сваренное к нашему приходу, было приправлено не пряностями, а ядом. Уперевшись руками в стол, я посмотрела на чашу Софии и увидела, что она полна до краев. Леди так и не сделала глотка, но убедительно касалась граней губами, чтобы не вызывать подозрений. Девушка, выбегающая из ее спальни, мешала отраву в вино по указу миледи, и потому в ее руках было так много колб. Мне стоило быть внимательней к мелочам раньше, ведь сейчас я уже не в силах ничего изменить — веки тяжелели, рот немел, точно каменный.

— Сладких снов, Лея, — прозвучал голос Софии где-то в затылке и эхом повторился дважды. Последнее, о чем я подумала, прежде чем упасть — леди София всегда получает то, чего хочет.

***

Небольшой заснеженный дворик замка заполнился зрителями: конюхами, кузнецами, кухарями и прочей прислугой. Всем было интересно посмотреть, как милорд Феодор сражается с бывшим Избирателем. Любой его выпад Августин с легкостью парировал, блоки он пробивал, едва не зацепляя нежную лордовскую кожу сталью, давал подзатыльники и ставил подножки. За час их боя, а лучше сказать, ребячества, Феодор оказывался на спине больше десяти раз. Август снова повалил его на лопатки и держал его в сугробе до тех пор, пока дыхание милорда не пришло в норму. Он смотрел в его красное от холода лицо, но перед глазами у Августа стояла Лея, обвязанная брачным шелком в церкви. Вместо голоса юноши он слышал клятвы, которые она давала жрецу. Ладони его желали гладить ее талию, а не держать в руках меч. Как скоро им удастся вновь остаться наедине?

— Снова не повезло, — хохотнул Феодор, натягивая улыбку на густо-красные щеки. Август протянул ему руку, чтобы помочь встать, и юнец поднялся на слабых ногах.

— Боюсь, дело не в удаче, — посмеялся Роббин, поедающий вяленое мясо с ножа. Он удобно устроился на каменной перегородке, упав спиной и затылком на столб и вытянув вперед ноги. На животе капитана лежала миска с мясом, и он тыкал в него острием, изредка роняя куски в снег.

— Старый капитан сам нарывается на драку, — протянул Феодор, подбирая лежащий в кучке снега меч, — если есть, что сказать, выходи сюда и сразись со мной!

— Нет, мне и тут хорошо, — довольный, как сытый кот, ответил Роббин, прожевывая упругое мясо. Августин сложил руки на груди и следил за их перепалкой со скромной улыбкой на губах.

— Вам стоит найти соперника своего возраста, милорд, — подметил Август, но Феодор лишь недовольно фыркнул.

— Сомневаюсь, что Избиратели сражались только со своими ровесниками. Я слышал, что даже малолетки, носящие белый плащ, могли одолеть самого опытного бойца королевской гвардии.

— Не белый плащ наделяет Избирателей мощью, а упорные занятия, — Август поднял с земли меч и вогнал его в ножны с громким лязгом. Феодор внимательно слушал его, задумчиво надув губы, — не стоит вам восхвалять Избирателей. Они не должны быть для вас примером.

— Они жестоки, в них совсем нет и грамма человечности, это верно. Но никто не будет отрицать, что в бою они смертоносны. Я желаю только этого, — милорд провел замерзшим пальцем по лезвию и шикнул, когда на подушечке осталась красная царапина. Его меч наточен так превосходно, что может ужалить противника даже на расстоянии, но это не помогло ему одолеть Августина. Что толку от идеального оружия, если его держат неумелые руки?

— Для своих лет вы хороши в бою, — успокаивал его Август, одним ухом слушая чавканье капитана, — опыт придет вместе с годами. Как только достигните моих лет, мы обязательно сразимся с вами на равных.

— Хватит делать мне одолжения из-за моего возраста, — цокнул Феодор, сложив руки на груди, — Моя решимость непоколебима, и я все равно отправлюсь вместе с войском на столицу, и более того, возглавлю его.

— И умрешь, оставив город без наследника, — закончил Роббин, доедая последний кусок со дна миски. Милорд, оскорбленный его словами, нагнулся к сугробу и слепил одной рукой снежный комок. Пока капитан убирал миску на землю, Феодор прицелился и запустил снеж-

ком в его голову; комок влетел в лоб и разорвался белыми брызгами. Августин не сдержал смеха, конюхи загоготали вместе с кузнецами, Феодор самодовольно вздернул нос, а капитан удрученно вздохнул.

— Не думай, что твое знатное происхождение мешает мне закопать тебя в сугробе, парень, — грозно проговорил рассерженный капитан, спрыгивая с перегородки. Феодор, широко улыбаясь, начал сдавать назад.

— Я меткий стрелок, — лепечет милорд, пока капитан набирает в руки охапку снега, — а еще быстрый, как рысь, — Роббин запустил в него снежок, и милорд удрал на другой конец двора со всех ног. Снежная глыба пролетела мимо его уха и врезалась в голову портнихи, отчего старая женщина громко завопила, а небольшая публика снова залилась смехом. Роббин протараторил извинения, прежде чем набрал еще одну охапку снега и голыми ладонями слепил шар. Феодор спрятался за кузнеца, и снежок капитана прилетел мужику в висок.

— А вот это уже серьезно, — пробормотал Грейг, осматривая высокого и жилистого мужчину в жилете, запачканном дегтем. Лысый и бородатый, с широкими плечами и выпуклой грудью, он мог скрутить капитана пополам; это Грейг понял, когда заметил угрожающий оскал на его шершавых губах.

— Давайте-ка заканчивать это представление, — вклинился Августин, полагая, что кузнец скорее ответит Роббину не снежным комом, а топором. Он подошел к капитану, уводя его со двора под расстроенный гул толпы. Вот ведь людская натура: подавай им зрелища, и плевать, что зрелище может закончиться чьей-то смертью.

— Уже уходите? — недовольно протянул Феодор, но, потянувшись, сам решил вернуться в замок. Время близилось к ночи, и во дворе становилось до невозможного холодно.

Августин и Роббин зашли в чертог, отряхиваясь от снега, что прилип к одежде и волосам. Громко потопали на пороге, сбивая снежные куски с сапог, и прошли к теплому очагу, попутно прося служанку принести горячего вина. После досуга с молодым лордом, у Августа промерзли даже зубы, и как бы он не грелся возле огня, дрожь от холода проходила с трудом.

— Послушай, малец, — заговорил Роббин, закинув ногу на колено. Ему принесли чашу, которую он осушал нехотя, скорее из-за желания быстрее согреться, — Аглая мне сообщила кое-что. Говорит, ты и Лея тайно поженились.

— Аглая обещала оставить это в секрете, — проворчал Август. Они говорили тихо, пускай в чертоге стало пусто с уходом одной единственной служанки. Мало ли, леди София собирает слухи через бегающих в расщелинах крыс?

— А чего таить от меня? Будто я давал причины для недоверия, — хмыкнул Роббин, закинув руку на спинку кресла, — Как видишь, все ваши тайны я храню надежно, и эта не станет исключением.

— Я верю тебе, Роббин, — Август протяжно вздохнул, прикрыв веки, — эта тайна не была бы такой страшной, не будь у леди Софии столь странных планов на меня и ее дочь.

— Почему же странных? Весьма разумных. Она мыслит не как женщина, а как наследница. Ее интересы прозрачны, как северные реки.

— И ты поддерживаешь ее?

— Мне-то какой прок ее поддерживать? Кому из девчонок ты достанешься, мне все равно. Я лишь пытаюсь объяснить намерения леди Софии.

— Я сделал ровно то, что желало мое сердце. И ничуть об этом не жалею, — тихо ответил Август и глотнул вина. Продрогшие от холода органы начали таять.

— Ты поступил как влюбленный парень, а не как сын своего достопочтенного отца, в этом у вас с Софией большое различие, — заметил Грейг, и Август посмотрел на него с легким недовольством.

— Хочешь сказать, я не должен руководствоваться чувствами? Я давно хотел сделать Лею своей женой. Еще задолго до смерти своего отца, задолго до войны и мятежа Дарлина. Эта мысль томилась во мне слишком долго.

— Я не осуждаю тебя, сынок, — устало выдохнул Роббин, убирая пустую чашу на стол, — ты выбрал глас любви вместо гласа разума, и это замечательно. Немногим везет прожить до старости с теми, кого они любят.

— Мой отец тоже поступил так. Выбрал любовь вместо расчета, — правда Августин очень боялся, что его любовь закончится также печально, как у Баула Хорвата. Августу вовсе не хотелось носить до конца жизни траурный черный цвет.

— Выбирая любовь, ты выбираешь вечный риск. Терять того, кто нужен по расчету, не так больно, как того, кто нужен без причины, — опасения Августина всегда крылись в этой емкой мысли. Любить для него все равно, что жить в вечном нескончаемом страхе.

— Я устал остерегаться чувств. С нашего брака прошло не больше пяти часов, и я надеюсь, что хотя бы в первые сутки смогу насладиться им, а не бояться будущего, — Роббин ехидно улыбнулся, повернув светлую голову к Августу. Капитан что-то задумал, быстро понял он, молча смотря на него в ответ.

— Наслаждение — вот одна из выгод брака по любви. Насладись ею, — Август напрягся, поняв, к чему клонит старый пройдоха, — сегодня ваша первая брачная ночь. Только не говори, что собираешься провести ее порознь.

— Еще слишком рано.

— Рано? — выпучил глаза Роббин, — а когда будет не рано? Когда вы станете моими ровесниками? Ты уже дал обещание Богу, что посвятишь жизнь этой женщине, так что иди к ней и тащи ее в постель.

— Обстановка не располагает.

— Брось, Август, в мои молодые годы моряки могли взять женщину прямо во время сражения, когда враг отвернулся, — хохотнул Роббин и расхохотался громче, заметив смущение на лице Августина, — Боги, в кого ты такой правильный? Дружище Баул был также осторожен с Лидией?

— Я не осторожный, — надулся парень, уронив голову на ладони, — просто... если леди София узнает о нашей с Леей связи, влетит каждому, и тебе в том числе.

— Аргумент, — прокашлялся Роббин, в миг став серьезнее, — но меня на твоём месте не остановил бы даже конец света.

Конец свет ближе, чем ты думаешь, подумал Августин, шагая к комнате Леи. Последний раз он видел новоиспеченную жену, когда София уводила ее на беседу в свои покои. С того момента прошло достаточно времени, и, должно быть, она уже лежит в кровати, одевшись в легкую сорочку. Белую, чистую, с узором изящного кружева на рукавах... Она лежит среди подушек, укрывшись одеялом лишь на четверть, и безмятежно посапывает сквозь распахнутые губы. Губы у нее и впрямь волшебные, раз сбивают Августа с толку, стоит ему их коснуться. Он стоит напротив ее дверей, ощущая себя незрелым мальчишкой, что лишь притворяется мужчиной. Пока он хранил свою честь, отказываясь от соблазнов похоти, он и не заметил, как растерял и без того неважные навыки. Как мне сделать ей приятно, не имея никакого опыта? Август и не заметил, как эта мысль стала тревожить его сердце. Подняв слабо сжатый кулак, он хотел постучать в ее дверь, надеясь, что природа сама подскажет ему, как надо — но он быстро опустил кулак вниз и свесил голову. Почему близость это всегда так сложно? Джуллиан, на моем месте, был бы куда смелее, этого ему не занимать. Друг, он, конечно, поганый, но любовник — тот еще мастер. Сейчас Августин как никогда ощутил цену своего благородства, что мешало ему воплотить желания в реальность.

Сделав два шага назад, он с досадой понял, что не готов. Волнение хлестало его сильнее, чем возбуждение, третирующее низ живота. С нелюбимой женщиной спать было проще, чем с

любимой, но почему это так, он понять не мог. Вместо поиска ответа Август решил вернуться в свою спальню и проспать до утра, а там, быть может, судьба сама уложит их в одну постель. Эта мысль его удивила, ведь Августин, до этого дня, на судьбу не полагался.

В его комнате должно быть темно, холодно и пусто, ведь сюда он возвращался лишь за несколькими часами сна. Дни он проводил в кузницах, казармах или рядом с милордом, а сюда заходил под утро. Но его спальню освещали десятки зажженных свеч, опочивальня тонула в мягком золотистом свете, а в воздухе стоял приятный запах женщины, на вкус сладкий, как мед, и нежный, как лаванда. Возле окна томилась виновница приятного аромата: миледи Иванна, завернутая в легкий не по погоде халат, ждала прихода Августина.

— Миледи? Почему вы здесь? — спросил он хрипло, растерявшись от вида ее плавных изгибов. Иванна сама смутилась своей откровенности, это было видно невооруженным глазом: она прятала взгляд в своих голых ступнях и прикусывала пухлые губы. Для своих лет она выглядит весьма зрело, и явно расцвела быстрее ровесниц.

— Матушка просила меня скрасить ваше одиночество этим вечером, — скромно ответила та, не двигаясь с места. Августин вобрал воздух раздутыми ноздрями, осознавая, что хитрость Софии и ее красивая дочь еще долго будут ему испытанием.

— Не стоит. Уверен, вы от одиночества не страдаете, — ее распущенные темно-каштановые волосы переливались янтарем под тусклым освещением, а голубые глаза блестели, как две льдинки.

— А вы? — на выдохе спросила та и потянулась к узорчатому поясу, — попросите меня остаться, и я останусь.

— Ваша матушка добивается нашего брака, поэтому вы здесь. Вы и сами, должно быть, этого не хотите, — прервав ее попытки оголиться заголосил Августин, выставив руку вперед, словно в страхе, что ее нагое тело способно обездвигить его.

— У меня было немало кандидатов в мужа, но вы выделяетесь из них всех, — Августин пожалел, что не ворвался в комнату к Лее и не провел с ней в постели все время до рассвета. Возбужденный еще у ее двери, сейчас он стоял в одной спальне с Иванной, боясь, что его природа играет с ним в злую шутку.

— Вы можете взять в мужа кого угодно. За вас будут бороться и приносить вам дивные дары лишь за одно ваше согласие, и я вам ни к чему, — Иванна плавно шла к нему, как подкрадывающаяся кошка, грациозно и мягко наступая на носки.

— А что, если я хочу взять в мужа вас?

— Ваша матушка внушила вам эту мысль, — он сделал шаг назад, чтобы расстояние между ними не исчезло, — вы и не думали об этом, пока леди София не начала настаивать.

— Матушка всего лишь открыла мне глаза. Присмотревшись, я оценила ее выбор по достоинству.

— Нет, миледи, я уже дал ей свой ответ, — он уперся лопатками в закрытую дверь и нащупал пальцами ручку, — я не сделаю вас своей женой, потому как уже принадлежу другой.

— Союз на словах ничего не значит, — при всей мягкости и робости, Иванна в эту минуту казалась упрямой, как ослица. Августин подобной черты не замечал с момента знакомства, а сейчас эта черта начинает его раздражать.

— Наш союз сплочен не словом, а благословением Солнечного жреца, — голубые глаза Иванны увеличились вдвое, и она перестала наступать вперед.

— Вы хотите сказать, что женаты волей Солнца?

— Да, — сглотнул он, облегченно приметив, что Иванна окончила свой напор, — я женат на женщине, которую люблю, и подвергать сомнениям свою верность не собираюсь.

— Что же, — выдохнула Иванна, промаргивая глаза, — ваша преданность своему выбору не может не поразить. В таком случае я не смею вас беспокоить.

Он дал ей выйти, а после с грохотом закрыл дверь и повернул защелку. Сердце колотилось в груди. Августин слишком долго давал отпор соблазнам, чтобы терять голову от вида полуголой женщины. Его все еще будоражила мысль о том, что комната Леи рядом; оставалось сделать всего два шага, и он мог бы ворваться к ней, дав свободу чувствам. Но что-то вынуждало его идти в свою кровать, а не в ее — и возможно, это был отвратный страх близости, что досаждал ему с юных лет. Боги сделали меня храбрым человеком во всем, что не касается любви, прискорбно думал он, переодеваясь в рубашку и бриджи для сна. Заснув, он видел один и тот же сон: как Лея, полностью нагая, ложиться к нему в кровать, осыпая его плечи невесомыми поцелуями.

Приятные видения окончились с приходом утра, знатно измотав Августина до этого часа. Находясь в кровати, он слышал крики, возгласы и толкучку под окном своей комнаты. Отрезвев от сладких снов, он нехотя откинул одеяло, подошел к окну и разинул ставни нараспашку. Белый дневной свет ударил по глазам, вынудив его зажмуриться, и разноцветные пятна перекрыли взор. Возгласы стали громче, и когда Август снова открыл глаза, он осмотрел большую толпу, собравшуюся перед деревянным столбом, выросшим на горе из палок, бревен и земли. В висках зазвенело, когда он увидел Лею. Ее конечности были привязаны к бревнам, голова опущена вниз. Одета в одно лишь платье из легчайшего льна, она висела перед публикой без сознания, как выставленный на потеху зверек.

Увиденное так встряхнуло Августина, что он не понял, как выбежал наружу. Как преодолел лестницу и несколько коридоров на пути ко двору, где Лея дожидалась казни. Он расталкивал людей, переворачивал мешающиеся на пути столы и кресла, прежде чем оказался рядом с леди Софией перед публикой, смешанной из простолюдин и господ. Маленькие снежинки лениво порхали в небе, танцуя на мягких порывах ветра. Погода ясная, не предвещающая небури, не метели, но Август понимал, что этот день обернется трагедией. Снаружи он оказался в одной спальной одежде, ничуть не защищающей от холода, но беспокойство так разогнало кровь по венам, что он не почувствовал бы мороза даже будучи абсолютно голым. Между ним и Леей оставалось приличное расстояние, а дорога к ней была перекрыта зрителями и стражей. Леди София стояла у стены с довольным видом, упиваясь своей победой.

— Что вы задумали? — процедил Августин, пытаясь схватить женщину за плечо, но ему помешал один из охранников. Выставил ребром меч, не давая коснуться госпожи, и велел двум другим схватить Августа. Он, к своему же удивлению, выбежал безоружным, и с горечью осознал, что не одолеет эту свору голыми руками.

— Я всегда получаю то, что хочу, Августин, — произнесла София, не поворачивая головы. К ним выскочили Роббин и Аглая — оба замерли, увидев привязанную к деревянному столбу Лею. В глазах их читался ужас, губы шевелились в мольбе прекратить этот произвол.

— Что вы собираетесь с ней сделать? — сквозь зубы повторил Августин, дергая руками. Его удерживали трое мужчин, еще двое угрожали ему сталью.

— Я собираюсь казнить ее у тебя на глазах, — ответила София с такой легкостью, словно они болтают о мелочах, обсуждая пришедшую весну или вечерний снегопад.

— Вы сошли с ума, — с трудом вымолвил Августин, смотря то на женщину, то на Лею. Она все еще висела с закрытыми глазами, погруженная в крепкий сон.

— Матушка, что ты творишь?! — во двор выбежал Феодор с сестрой, оба с выпученными глазами и перекошенными набекрень ртами.

— Матушка, остановись! — протестовала Иванна, пуская слезы на щеки, — это неправильно!

— Я сделала тебе щедрое предложение, Августин, — игнорируя крики своих детей продолжила София, подставив открытое лицо попутному ветру, — и дала достаточно времени, чтобы обдумать его. Вместо благодарности ты заключил брак с другой за моей спиной, оскорбив меня и мою семью. Думаешь, такое можно простить?

— Я дал вам отказ, а вы не смогли принять его, и теперь мстите, как малое капризное дите, — Август продолжил вырываться, хоть и понимал, что это бесполезно. Тело двигалось само по себе, и кровь бурлила как море во время шторма.

— Пускай я буду малым дитем в твоих глазах. Я это переживу. В отличии от Леи, — смех Софии отлил сталью, и она махнул рукой, давая сигнал палачу, — твои надежды на счастливую любовь сгорят вместе с ней.

—... Сгорят? — успокоившись прошептал Августин, и София кивнула.

— Она будет гореть, превращаясь из юной девушки в горсть пепла, — Август переглянулся с Аглаей — та вздохнула с облегчением. Из самого Августа это облегчение едва не вырвалось истеричным смехом, но он не стал портить Софии поджидающее зрелище, — моя задумка полна прекрасного, не находишь? Люди зачастую тонут в страсти, сгорая от нее дотла. Казнить Лею в огне до невозможного символично, на мой взгляд.

«И бесполезно» пронеслось в мыслях Августина, и он опустил голову, чтобы спрятать за черными прядями рвущуюся на лицо улыбку. София, тем не менее, заметила, что он затих. Аглая и Роббин тоже не выглядели напуганными. Что это, принятие неизбежного? Или эта одноглазая девчонка все же не была им сильно дорога?

— Ну же, миледи, — пролепетал Августин, подняв на нее искрящиеся нетерпением глаза, — жгите.

— Берешь меня на слабо, мальчик? — выпалила София, подняв брови, а после прокричала приказ ускориться. Мужчины разводили огонь, скидывая искры на стопку палок и соломы дрожащими от нервов руками. Публика затихла, ожидая, когда первый огненный хвостик коснется ноги девушки, а Роббин с Аглаей позволили себе широко улыбнуться. Иванна пискнула, увидев растущий на днище огонь и отвернулась к брату, зарывшись носом в его жилет. Феодор не нашел в себе силы смотреть, как Лея горит заживо — зажмурился, что есть силы, и прижал голову сестры крепче.

Огонь полз вверх тягуче, извиваясь, будто в танце. С каждым мгновением становилось все жарче, и у людей, стоящих близко к костру, взмокли щеки и лбы. Пламя обволакивало колени Леи, словно обнимая ее, и струилось выше, забираясь ей на руки. София сощурилась и подошла ближе, чтобы разглядеть, как лоскуты кожи начнут отваливаться с ее скелета, но тело девушки оставалось невредимым. Миледи громко ахнула, когда увидела, как Лея поднимает голову, пробудившись ото сна, но она не кричала от боли. Дым поднялся густым облаком, запутавшись в ее волосах. Ни одна волосинка не подгорела.

— Что за чертовщина, — перешептывались простолюдины, придерживая ладони на груди.

— Она ведь совсем не горит! — заголосили другие, и София растерянно осмотрела толпу. Что за магия? Это невозможно — огонь уничтожает все, огонь и солнце нельзя укротить, так ее учили с детства в королевском дворце. Но, наперекор всем учениям, Лея от огня ничуть не страдала. Деревянный столб за ее спиной сдавался огню гораздо быстрее, постепенно чернее углем. Веревки, подвязанные к ее конечностям, облачились в пепел и улетучились вместе с порывом ветра. Девушка встала на ноги, все окутанная пламенем, как красно-желтым одеялом, и сорвала повязку со своего лица. Желтый глаз ярко заблестел под солнцем, и люди, заметившие золото в ее взгляде, тревожно затрепетали. Рассерженный взгляд Леи обратился к леди Софии, и тогда женщина впервые изобразила на лице страх: он вынудил ее сделать несколько шагов назад.

— Не может быть..., — прошептала она, видя, как Лея горит еще ярче, раскинув руки в стороны. Часть толпы в панике завизжала, разбегаясь по сторонам, другая преклонила колени.

— Божье дите! — выкрикнул мужчина из толпы, вставший перед пылающей девушкой на колени, — Божья дочь! Солнечный Бог ей отец!

— Само солнце спустилось к нам в смертном теле, — подхватил другой, опускаясь на землю.

— Дочь Солнца! Его дите!

— Склонитесь перед дочерью Солнца!

Больше нет смысла скрывать ее пламя, подумали одновременно Аглая и Августин. Пусть люди видят, что Безликий ведет ее волю.

— Так вот, что она прятала под повязкой, — изумленно произнес Феодор, обнимая сестру за плечи. Иванна уже не плакала — смотрела на горящую девушку так, словно в их дом и правда спустился сам Бог с небес.

— Кажется, в этом городе о Буревестнике забудут надолго, — ухмыльнулась Аглая, не отворачивая головы от Леи. Она продолжала ярко полыхать, но теперь ее огонь вызывал лишь восторг, нежели страх. Стража отпустила Августина, и тогда он погнался за Софией, что пыталась вернуться в замок на дрожащих ногах. Хватаясь за стены, она, шатаясь, переступала порог, словно тотчас свалиться в обморок.

— Не желаете что-нибудь сказать нам, миледи? — грозно произнёс Август, схватив ее за предплечье. Женщина повернулась в пол-оборота, показывая свои пораженные черты лица.

— Армия собрана. Выходим на столицу к концу недели, — сухим от волнения языком промолвила она и выдернула руку. Август, скрепя зубами, провожал ее удаляющийся вглубь замка силуэт, понимая, что извинений от такой гордой особы им не дожждаться. Эта мысль злила его, но, оборачиваясь назад, он видел Лею, торжествующую в пламенном всплеске, и злость исчезала из его сердца. Он улыбался, наблюдая, как она идет сквозь толпу, собирая на своем затылке восхищенные взгляды и возгласы. Сегодня ее прозвали дочерью Солнца, и теперь это славное имя поведет мужчин в бой за свободу Пламенных людей.

Глава 4

— Мой отец желает видеть тебя, — Джуллиан перестал следить за истечением минут, часов, целых дней. Время остановилось, как только он взял на руки своего сына и пообещал оберегать его от людей, желающих ему зла. Я ведь тоже желал тебе зла, тревожно думал он, придерживая младенца у своей груди — не тебе, а тем, кто рождается с золотыми глазами.

— Я не хочу никого видеть, — спокойно ответил Джуллиан, продолжая плавно покачивать Мервина на руках. Ева тоскливо выдохнула, наблюдая, как пухлое лицо мальчика искажается широкой улыбкой. Мервин любит отца больше, чем мать, ревностно заметила девушка, когда малыш звонко хихикнул, сжав палец Джуллиана в своей маленькой ладони.

— Желания моего отца — это не просьбы, а приказы, — настойчивее произнесла Ева, сложив руки крестом на груди. Джуллиан оставался верным своему эгоизму — стоило ему возлюбить сына, как он смог забрать его у родной матери ради своего удовольствия.

— Твой отец может прийти в мои покои, если он настаивает на встрече, — или он забыл дорогу в эту комнату, как только здесь поселился Пламенный ребенок? Вполне похоже на Алакина. Джуллиан вспомнил их грязные, безбожные разговоры об истреблении одаренных, и ему стало дурно, когда он зацепился взглядом за золотые глаза сына. Сердце тревожно заняло, и он прижал Мервина ближе, обещая, что никогда не сделает ему больно, — Или, быть может, ты хочешь проводить все время с Мервином, как в дни, пока я был на войне? — он повернул голову к Еве. Девушка хлопала ресницами, открыв рот, но не знала, что ему ответить. Почему так хочется оправдаться? За что мне оправдываться — за то, что я люблю своего сына?

— Я его мать, — напомнила та, — сидеть с ним в обнимку — мой удел, а не твой.

— Ты должна быть благодарна за то, что я провожу с ребенком все дни и ночи напролет, — равнодушно кинул Джуллиан и снова отвернулся к улыбающейся мордочке сына, — Теперь у тебя появилось лишнее время на заботы о себе, разве не замечательно? Гуляй в саду, развлекайся с фрейлинами, выбирай ткани на пошив платьев — чем еще ты занималась до рождения ребенка? — Ева уже не могла вспомнить себя до рождения Мервина. Прежняя жизнь казалась ей холодной и чужой: в прошлой жизни она не могла представить себя без Джуллиана, а в этой не может представить себя без Мервина. Однажды у нее наступит жизнь, которую она не сможет представить без самой себя.

— Мне ничего не нужно, — ответила Женевьева, потупив взгляд в линиях детской люльки. Джуллиан снова посмотрел на жену и захотел поспорить: она уже не была прекрасной розой, как раньше, и было ясно, что ей нужен долгий отдых. Исхудалая от бесконечных тревог, она потеряла свои чудные изгибы; перестав нормально есть, она начала терять густоту светлорусых волос и их мягкость. Ева давно не видела солнечного света, и кожа ее стала сера, как дым. Наряды она больше не меняет несколько раз на дню и ходит в одном и том же, как крестьянка. И даже ее голос... Даже голос изменился. Звучит сухо и глухо, не пленяя нежностью и глубиной. Джуллиан долго рассматривал ее, пытаясь понять, когда его роза начала увядать, и Еве стало неловко от его дотошного взгляда на своем теле.

— Прими ванну, Ева, — заговорил он спустя несколько минут тишины, — приведи в порядок волосы, лицо, тело. Поешь и полежи в тишине.

— Я ничего не хочу, — тихо произнесла она одними губами и опустила стеклянные глаза в пол. Джуллиана озарило осознание: эта роза начала увядать, как только попала в его сад.

— Ты должна, — настойчиво повторил он и встал с постели, чтобы уложить Мервина в его кроватку, — приведи себя в порядок к вечеру. Сегодня ночью мы сделаем еще одного ребенка.

— Что? — ахнула Ева, смотря на мужа, как на безумца, — у нас сполна переживаний о первом, а ты уже второго захотел?

— Думаешь, второй тоже родится с золотыми глазами? — этот вопрос не требовал ответа, поскольку каждый знал, что в одной семье два дара не рождается. Женевьева повертела головой, — и я о том же. Со вторым бед будет меньше.

— Я не смогу вынашивать второго, пока каждое утро я начинаю со слез и страха за первого, — ее голос дрогнул, и глаза обильней намокли. Джуллиан смягчил свой пыл, подошел к ней вплотную и обнял, ощутив, как утончился ее силуэт: она стала едва не в полтора раза меньше, чем раньше.

— Тебе незачем бояться, ведь я рядом, — прошептал он в ее макушку, поглаживая ее костлявые лопатки, — я убью любого, кто косо посмотрит на Мервина, и ты знаешь это.

— Знаю, — всхлипнула Ева, пряча мокрое от слез лицо в складках его рубашки. Джуллиан жесток ко всем, кто смеет посягать на его собственность; но еще недавно он горел ненавистью к одаренным. Женевьева долго не могла понять, что за чувства терзают ее при виде объятий мужа и сына — ревность или недоверие? Вдруг он задушит Мервина, пока качает его на руках... этот страх, впрочем, стал совсем незначительным, после того как она увидела теплоту в глазах Джуллиана. Еще никогда его изумруды не мерцали так нежно. Даже она не могла заслужить у мужа настолько добрый взгляд.

Женевьева послушалась: покинула опочивальню, чтобы посетить дворцовые купальни, хорошенько пообедать с отцом и сменить платье на чистое, приятно пахнущее.

Джуллиан встал у детской кроватки и вновь принялся рассматривать безмятежное личико сына. Он не спал, всего лишь беззвучно пускал слюни на простыни и хлопал золотыми глазками, тарашась в кружевной балдахин. День от дня Джуллиан находил все больше похожих черт в сыне: такие же брови, разрез глаз, одинаковая с ним форма ушей. От Евы ему и впрямь ничего не досталось — Мервин копия своего отца. Если Боги еще не возненавидели меня с потрохами, пусть у моего мальчика будет другой характер, молился про себя Джуллиан. Пусть лицо у него сотворено по моему подобию, но больше всего я боюсь, что он станет моим подобием человека. Как воспитать его, чтобы случайно не испортить собой? Как я могу сделать из него другого мужчину, если из себя не смог? Я предавал, убивал, мстил — что, если я ненароком научу Мервина тому же?

Джуллиан погладил проросшие рыжие волосики. Их немного и растут они на его голове мягким пушком. Он проводил пальцами по яркой рыжине, а перед взором мелькали мертвые: сначала показалась маленькая Карина, затем Бейла, потом Ханна и... Лайла. У них тоже были рыжие волосы, и глаза такие же золотые, но они смотрели на него со страхом и мольбой, пока он отнимал у них жизнь. Я убил несколько Пламенных людей — каялся Джуллиан, нагибаясь над кроваткой, — я сделал так много зла, Мервин, знал бы ты, кем является твой отец...

Он прервался, когда в комнату постучала служанка, что носит обеды и завтраки для Джуллиана. Он метнулся к двери, взял миску крупы и порубленные куски ягненка, и без благодарности закрыл дверь обратно. Во дворце, небось, шепчутся, что бывший Избиратель кого-то прячет в своих покоях. Не будь у него щита в виде Алакина, что бережет свою дочь и ее дитя, пара любопытных носов однажды бы заглянули сюда. Или, быть может, сам король Георг — короли нередко навещают семьи ближайших соратников и подчиненных. Лорды строятся очередь, чтобы король отвесил пару ласковых слов их новорожденным детям, но Алакин своего внука скрывал, как сундук драгоценностей. Тем не менее, у Джуллиана всегда был наготове меч: он стоял в углу комнаты, выдвинутый из ножны на четверть, чтобы обрубить любой излишне любопытный нос. Даже королевский.

Отъевшись, Джуллиан вернулся к кроватке и заметил, что Мервин крепко заснул. Скоро мама вернется и накормит его; хотя сама мама ела так скудно, что ее грудное молоко, наверное, быстро иссякнет. По этой причине Джуллиан заставлял Еву есть через силу и упорно игнорировал ее рвотные позывы. Он подошел к окну и раскрыл ставни. Небо ясное, очищенное от облаков, солнце греет землю, освобождая почву от снега. Его тонкий слой таял последний

несколько дней, и уже к завтрашнему утру от него не останется и следа. Долгожданное тепло вернулось в столицу вместе с певчими птицами — зима близилась к концу. Джуллиан увидел торчащий островок Белого квартала, где жили Избиратели и где жил Августин. Теперь его поместье заросло лишайником и паутиной, и незнамо когда в него вернется жизнь. Хорошо, что отсюда не видать поместья Баула Хорвата — Джуллиану вовсе не хотелось видеть пустующий и заросший сорняками дом человека, которого любил больше, чем родного отца.

Ева вернулась раньше, чем наступили сумерки. Перейдя порог спальни, она явилась мужу краше, чем в былые дни. Вес не вернулся к ней, а кожа не стала румянее, но вид был не таким замученным, как утром. Приделась в платье из розового шелка, начищенные в купальне волосы заплела корзинкой, обнажив тонкую лебединую шею, где красовалось драгоценное ожерелье. Джуллиан вновь почувствовал желание, смотря на нее, а не жалость, как недавно.

— Как только вернется вес, будешь еще красивее, — заметил он, но Ева всего лишь вяло улыбнулась ему в ответ. Она взяла Мервина на руки и начала кормить его грудью. Джуллиан разлегался на простынях, ожидая, когда она опустит сына в кроватку и ляжет с ним под одеяла.

— Дождемся, пока он не заснет, — произнесла Женевьева, когда нетерпеливый муж, не сумевший спокойно полежать пару минут, подошел, чтобы осыпать ее ключицы поцелуями. Мервин прикрыл веки, лениво шевеля губами с пятнами засохшего молока в уголках.

— Боишься, что будет подсматривать? — усмехнулся Джуллиан, утягивая Еву в постель, — ограда его люльки перекроет вид всего самого интересного.

Она нехотя сдалась на его уговоры — снимала с тела платье, под которым оставалось только нижнее белье. Джуллиан помог освободить ее талию от корсажа, попутно расстегивая с себя рубаху. Они оголились полностью и тут же спрятались под одеяло; ветерок подул через распахнутое окно, спутав белокурые прядя.

— Я не думаю, что нам нужно заводить второго ребенка сейчас, — прошептала Ева, лежа под Джуллианом. Он настойчиво целовал ее груди и спускался ниже, до пупка, останавливаясь лишь возле торчащих тазобедренных костей. Ее слова он пропускал мимо, продолжая наслаждаться ее телом, которого так давно не чувствовал в своих руках, — Джуллиан, пока Мервин не станет старше, и мы не придумаем, где его прятать, нам не стоит рожать еще одного.

— Глупости, — промямлил он, возвращаясь к ее губам. Он накрылся одеялом полностью и пристроился удобнее меж ее ног, — еще один мальчик сделает нашу семью крепче.

— А что, если это будет девочка?

— Какая разница? — он раздвигал ноги Евы шире, чтобы добраться до промежности, но она упрямо сводила их обратно, — я буду рад хоть девочке, хоть мальчику.

— Я тоже, Джуллиан, если бы Мервин родился с твоими изумрудными глазами, а не с золотыми. Я бы не раздумывая зачала второго, но наша реальность...

— Наша реальность ничем не помешает нам стать еще счастливее со вторым и третьим ребенком, — уперся Джуллиан и надавил на ее бедра сильнее. Ева пискнула от грубого прикосновения и зажмурила веки, — чего ты боишься?

— Боюсь, что с ребенком в животе не смогу убежать от Избирателей, — прошептала она, ощущая противную кислинку на языке. Джуллиан прекратил трогать ее тело и навис над ее лицом.

— Тебе не придется убежать от Избирателей. Я всегда был лучшим среди них, я дам отпор любому.

— Полагаться на тебя стала бы лишь прошлая Ева, наивная и влюбленная до беспамятства. Новая Ева знает, что ее Джуллиан никогда не будет рядом, как бы ей не было тяжело, — Джуллиан обмяк, и девушка воспользовалась его минутной слабостью, чтобы выбраться из-под его тела. Он перекатился на другой край кровати и с грустью наблюдал, как она нелепо перебирает тощими руками в попытках быстрее надеть платье. Я не ухаживал за своим садом, так чего удивляться, что цветы больше в нем не растут, смирился Джуллиан, переводя взгляд в

окно. Ему вдруг так вдарило чувство тоски и досады, что голова пошла кругом; он сел прямо, оделся и ощутил острое желание выпить. Умыв в ведре с водой лицо, он загладил назад растрепанные волосы и понял, что нужно проветриться, пока отречённая Женевьева не свела его с ума. Она тихо лежала среди подушек, поджав колени к груди, и постепенно отходила в сон, пускай до ночи еще уйма времени.

— Побудь с Мервином, пока меня нет, — прохрипел он у двери и вышел в коридор, не дождавшись ее ответа.

Дворец теперь кажется ему совсем другим. Знамена Эфирита не изменились, стены не сменили цвет, но теперь королевский дом выглядел как пристанище врага. Врагов много, и они повсюду; а самые смелые из них носили белые одежды с золотым полумесяцем, и Джуллиан видел этих врагов издали. Среди них много новичков, юные и зрелые, женщины и мужчины, и Джуллиан, направляясь к кабинету Алакина, гадал, кто из них умрет первым от его руки. Тот, кто первым возложит меч над головой его сына, лишится сначала руки, затем головы, и вместе с ней и милости солнца. Он чувствовал себя параноиком, когда выискивал среди встречных лиц подлеца, скрытого под маской друга. Я и сам такую раньше носил, подумал он, так что разглядеть предателя мне по силам. Я ведь знаю, как они себя ведут — подлецы улыбаются чуть шире, чем другие.

Кабинет советника тоже изменился. Нет, мебель все та же, и даже портрет его красавицы-дочери над камином не изменился — дочь поменялась, а картина — нет. Аура стала другой — аура врага, аура вредителя, аура противника. Джуллиан зашел без стука и застал старого союзника все в той же позе, скрюченным за столом, загроможденного бумажками.

— Глазам своим не верю, кто это удосужился меня навестить, — голос Алакина звучал отстраненно, словно доносится из-под толщи воды. Джуллиан медленно повернул к нему голову и заметил, что советник тоже ничуть не изменился: все тот же бордовый камзол, та же учтивая улыбка и хитрые синие глаза. Как два темных сапфира. А у его внука другие, золотые. Алакин наверняка думает об этом день ото дня. На губах Джуллиана проскользнула нервная ухмылка.

— Скучали по мне? — пролепетал он в своей старой манере, и Алакин игриво закатил глаза.

— Боюсь, даже твоя дерзость стала мне мила за время разлуки, — он поднялся из-за стола, медленно шагая к Джуллиану, — мы не виделись долго, но ты не спешил встретиться со мной. Сброшу все на усталость после войны и на желание близости со своей женой после стольких месяцев воздержания.

От войны я ничуть не устал, желания сблизиться с Евой не было таким острым, и в этот период я воздержанием не страдал, хотелось ответить Джуллиану, но он нашел это лишним. Алакин во всем был неправ, и наверняка догадывался об этом в глубине души.

— Я тоже вас не видел в стенах своей спальни. Вы будто сторонитесь ее, — посмеялся он, и советник подхватил его короткой усмешкой. У советника смех получился ничуть не убедительным, — почему же вы не навестили меня, советник Алакин? Видно, не шибко и скучали.

— Полагаю, сейчас в твоих покоях тесновато, — аккуратно ответил он, сложив руки замком на животе, — жена, сын, ты, и все в одном помещении. Куда там меня втиснуть?

— Уверен, мы что-нибудь обязательно придумали бы, — улыбался Джуллиан, раздумывая, как подвести Алакина к признанию, что он презирает своего родного внука, — почему бы нам сейчас не выпить вина вместе? У нас обоих накопилось немало историй.

— Ох, я бы с радостью, но мне нужна трезвая голова, — отмахнулся Алакин, возвращаясь к своему столу, — у нас решилась проблема с членством в Правящем Сенате, но уйма других меньше не стала. Король Георг нуждается во мне как никогда.

— Что-то никогда не меняется, — разводя руками пролепетал Джуллиан и сел напротив, — до моего отбытия картина была такой же. Непутевый король и его верный советник, готовый справиться с любыми невзгодами.

— Не стоит называть нашего любимого короля таким скверным словом, — заметил Алакин с недовольством, — но изменилась и правда самая малость. Только то, что мы почти готовы перейти к истреблению Пламенных.

— Вот как? — нервно выпалил парень и провел взмокшей ладонью вдоль штанины, — вы настроены решительно, и эту решительность совсем не убавляет факт рождения вашего внука.

— А почему это должно что-то изменить? — шире улыбнулся Алакин, и Джуллиан понял, что старик предпочтет играть дурака до победного. Даже если тыкнуть его лицом в глаза Мервина, он откажется увидеть в них золото, — мы следуем нашему плану, к которому готовились очень долго, и итогом этого плана станет освобождение от Пламенного зла.

— И как в ваши планы будет входить мой сын?

— В ваши? Еще летом это были *наши* планы, Джуллиан, — Алакин сощурился, будто намерен посмотреть сквозь собеседника, чтобы покопаться в его голове, — могу понять твои переживания, но скажу, что они напрасны. Ты же не думаешь, что из-за твоего первенца мы резко откажемся от многолетних замыслов?

— Я хочу услышать от вас, что ждет моего сына в этом кровавом будущем.

— То же самое, что и Кая. Кай изначально был под нашей защитой, хоть и родился он по указу дьявола. Если мы можем защитить Кая, то и сына твоего подавно, — Джуллиану не нравилось то, как Алакин обходит Мервина в разговоре, называя его сыном, но не своим внуком. Имени мальчика он тоже не произносит, и Джуллиан вдруг задумался — не потому ли, что он не собирается привязываться к ребенку? Что ты задумал, Алакин, крутился вопрос в голове парня, когда он разглядывал тестя. Не может же он навредить малышу, в котором Ева души не чаёт? Алакин — то еще чудовище, но он никогда не стал бы причинять боль своей дочери. Раньше Женеьева не была помехой в его кошмарных идеях, но теперь она мать Пламенного мальчика, и кто знает, как изменятся ее отношения к одаренным. Джуллиан с ужасом заметил, что его отношение к ним изменилось. Может, они не воплощение сущего зла, как он полагал раньше? От этой мысли у него волоски стали дыбом на руках, а ладони намокли. Он снова вытер их о штанины и посмотрел на Алакина, который быстро разглядел в собеседнике нервоз. Джуллиан никогда не выдавал нервоза, еще реже он его испытывал — а сейчас с него льется три ручья пота, а губы несуразно шевелятся в попытках произнести хотя бы пару слов.

— Клянись, что Мервину ничего не угрожает, — сухо вымолвил Джуллиан, потупив взгляд в пустоте. Алакин перестал улыбаться. У обоих этот вопрос встал поперек горла.

— Мне не нравится твое отношение к этому мальчику, Джуллиан. Как бы оно не повлияло на наши дальнейшие планы.

— Я хочу, чтобы вы поклялись.

— А я хочу, чтобы передо мной сидел другой Джуллиан. Бессердечный, непредсказуемый и жестокий, — фыркнул советник, хлопнув по столу, — а не эта размазня, что печется за сохранность златоглазого беса, — у парня неприятно кольнуло сердце на этой фразе, и он сжал влажную ладонь в кулак. На губы вырвалась безумная улыбка, в глазах заплясали черти. Он может прямо сейчас схватить Алакина за воротник и приписать его лбом по столу несколько раз, задев письмена со свежими чернилами так, чтоб строки отпечатались у него на лице, но он сдержал порыв ярости.

— На войне я убил двух Пламенных. Одну за попытку шантажировать меня, вторую за то, что другие начали неверно полагать, что она моя слабость, — пролепетал тот, вызвав у Алакина вздох облегчения, — не думайте, что я растерял свою хватку.

— Хорошо, — с трудом выдал Алакин, и сам почувствовал, как намокла шея от испарины, — в таком случае я уверяю тебя, что ребенок моей дочери будет под моей защитой. В день, когда белые плащи станут пачкаться кровью одаренных, ваш сын будет беззаботно проводить время в твоём поместье, поедая сладости, — Джуллиан упал на спинку стула, выскливая в Алакине ложь. Этот человек врал искусно, так, что даже многим Избирателям было не по силам раскусить его фальшь. Сейчас он тоже говорил до невозможного гладко и непроницаемо.

— Я запомню это обещание.

В кабинет без стука зашел незнакомый Джуллиану паренек. Молодой, светловолосый, с наглой улыбкой на кривой физиономии, с узкими плечами и небрежно торчащей рубахой изпод бархатистого жилета. Джуллиан смотрел на него через плечо, поражаясь тому, как своевольно он влетел на прием к советнику — что это еще за маленькая заноза, полагающая, что ей все дозволено?

— Милорд Ульям, — поздоровался Алакин, привстав со своего кресла. Он отодвинул его назад, и ножки едко скрипнули, — сир Джуллиан, вы, наверное, не успели познакомиться с нашим новым сенатором. Милорд Ульям, уважаемый сын лорда-наместника Аванхолла, а теперь и наш почтенный сенатор, — Джуллиан натянул неискреннюю улыбку, осматривая это молодое недоразумение. Неужто замена Баула Хорвата была подобрана наобум?

— Правящий Сенат всегда принимает лишь достойных, — льстиво сказал Джуллиан, радуясь, что он до сих пор способен врать и не краснеть, — я так понимаю, в Сенате были сделаны правки?

— Верно. Мы потеряли Аглаю Эриксон, Баула Хорвата и Тиану Эриксон. На их место мы взяли милорда Артура, сына лорда-наместника Селледо, милорда Ульяма и милорда Кармера Оллинса, племянника Обера Оллинса.

— Словами не передать мою благодарность за доверие, советник Алакин, — даже благодарность этого мальчишки звучала как насмешка. Дело в его наглой ухмылке или вальняжной стойке? Меча такими хилыми руками он явно не держал, но может в его светловолосой голове есть дельные мысли? Карие глаза юнца смотрели в лицо Джуллиана с любопытством, и было в них нечто зловещее — его чутье подсказывало, что эта заноза, к тому же, может вырасти в настоящее бедствие.

— Так зачем вы пожаловали сюда, сенатор? — спросил Алакин, и Ульям медленно перевел глаза на него.

— Король Георг решил собрать совет прямо сейчас. Сенаторы уже в сборе, я же решил прибыть к вам лично с просьбой присоединиться к нам.

— Уже бегу, сенатор Ульям, — едва не пропев ответил Алакин и повернулся к столу, чтобы собрать несколько листов пергамента. Джуллиан поднялся со стула и, не попрощавшись, последовал к выходу, задержав долгий взгляд на лице молодого сенатора. Что же его раздражает в нем больше — нахальство или неопрятность? Вместе эти два качества доводили Джуллиана до трясучки. От вида милорда хотелось хорошенько отмыться.

Сумеречные тени шептали в открытые окна о приближении ночи. Джуллиан неспешно бродил по коридору, направляясь к своим покоям, и ощущал тревожный зуд где-то под сердцем. Дворец, даже пребывая в тиши и спокойствии, отдавал металлическим привкусом крови и враждебности. Еще никогда эти стены не внушали Джуллиану беспокойства, а сейчас, куда ни глянь, он видел причины для нервоза. Мелькающие по сторонам белые одежды вызывали злость, парящие на плащах золотые полумесяцы раздражали глаза, и Джуллиан не заметил, как прибавил скорости, чтобы скорее достигнуть спальни. Остаться здесь долго нельзя — рано или поздно придется перебраться в поместье. Давно он не видел Золотого квартала, уставленного миниатюрными дворцами важных чинов. Будет ли там безопаснее? Джуллиану хотелось в это верить, но любой уголок столицы и всего королевства казался ему ловушкой. Он не привык переживать, и впервые ему кажется, что он готов задохнуться от этих переживаний.

Подойдя к главной лестнице, он обнаружил слежку. Худощавый белый силуэт, похожий на призрака в дворцовой полумгле, наблюдал за ним сбоку. Уронив ладонь на перила, он посмотрел в том направлении и различил в следящем знакомое лицо; девчонка-Избиратель, совсем юная для этой должности, носила имя Мира, и запомнилась она Джуллиану своей дружбой с Лизой. Мира притаилась у колонны и без всякого стеснения следила за Джуллианом. Как только он посмотрел на нее в ответ, она спрыснула с места, убежав в другую сторону со всех ног, точно напуганный ярким светом таракан. С момента их последней встречи она почти не изменилась: не стала выше, крупнее, и только ее белая форма покрылась бледными, выцветшими пятнами крови. Видимо, упорно следует своему долгу. Джуллиан хмыкнул, пожал плечами, и продолжил свой путь до спальни. Мира, в отличие от других Избирателей, его почему-то не бесила, или он совсем не чувствовал от нее угрозы.

В спальню его запустила Женевьева, после того, как он постучал по двери. Они до сих пор запираются, дабы никакая служанка случайно не забрела к люльке Пламенного малыша. Джуллиан зашел в комнату, но остоленел, когда увидел Кая возле детской кровати с Мервином на руках. Он позволил себе улыбаться и перешептываться с младенцем, словно водит с ним близкую дружбу. Джуллиан отодвинул жену в сторону и пошел к Каю, как волк, забравшийся в стойло к овцам и готовый к прыжку. То, что у вас глаза и волосы одного цвета, еще не значит, что тебе позволительно трогать его — хотелось сказать Джуллиану, но он молча забрал сына из рук парня и уложил малыша обратно в люльку.

— Не смей нянчиться с моим сыном, Кай, — сдержанно произнес он, даже не смотря в его сторону, — а ты, — он повернулся к Еве, что смотрела на него с непониманием, — более не позволяй посторонним хватать Мервина на руки.

— Кай не посторонний, — ответила она, и из Джуллиана вырвался горький смешок, — он всегда был рядом. Ради Мервина он убил пару повитух.

— Я попросил тебя об этом не для того, чтобы слушать, какой Кай замечательный, — Пламенный неловко переминался с ноги на ногу, закусив губу, — я не хочу видеть его в нашей спальне.

— Он единственный, кому я могу доверять. Ты не можешь запретить Каю приходить сюда, — упиралась Ева, подкидывая дров в растущий гневный костер в груди Джуллиана. Он крепко держался за ограду кровати, ощущая, как темнеет его взор.

— Кай не будет сюда приходить, — утвердил он, и Ева сжала челюсти, опустив голову, — а если тебе так хочется его присутствия, то проводите встречи подальше от моей комнаты, и делайте за ее границам, что пожалеете, — Мервин хлопал ресницами, осматривая нависшее лицо отца с растерянностью. Он поджимал пухлые губки и дергал носиком так, словно тотчас расплачется.

— Ты перегибаешь, Джуллиан, — осмелился встрять Кай, но проговорил это, как и всегда, сильно неуверенно, — вина тому ревность? Если так, то мы с Евой связаны лишь желанием оберегать Мервина.

— Я не люблю повторять одно и то же дважды, — процедил Джуллиан, не поворачивая к нему головы, — Женевьева может уйти с тобой прямо сейчас, если ее что-то не устраивает, — девушка стояла на месте. Что Кай, что Джуллиан, оба понимали — никуда Ева не уйдет. И сама она это понимала, пускай видела, что во взгляде Пламенного зародилась надежда; мол, вдруг осмелиться сбежать с ним за ручку? Правда, куда — в его-то тесную каморку? Чтобы у него появилось нечто солиднее этой каморки, нужно привести в жизнь план по истреблению Пламенного зла, после чего Алакин даст ему и замок, и землю, и богатства — только вот Ева не сбежит с ним даже туда.

Кай поплелся к выходу, не желая видеть расстроенные глазки девушки, больше он не хотел чувствовать ее отказа. Как только он вышел за дверь, Женевьева закрыла ее на ключ. Джуллиан отлип от детской кровати и подошел к окну, протяжно вздохнув.

— Ты напряжен, — тихо заметила она, невесомо шагая к его спине. Встав вплотную, она опалила его лопатки горячим вздохом.

— Твой отец бесит меня. Я не вижу в нем любви к Мервину.

— Мой отец не станет угрожать жизни своему внуку.

— Он его даже назвать так не может, — устало усмехнулся Джуллиан, покачивая головой, — это место никогда не примет Мервина. В особенности советник Алакин.

— Не пытайся сломить мое доверие к родному отцу, — Джуллиан неумолимо долго смотрел на звезды и думал, что, должно быть, лишь рядом с ними он обретет спокойствие за Мервина. Других идей у него не было.

— Я не доверяю ни твоему отцу, ни Каю, а ты поступай, как знаешь. Еще недавно они все желали смерти Пламенным.

— А ты? — истерично посмеялась девушка, разинув веки, — а сам-то? Все время до рождения сына я слышала от тебя, что скоро наступят славные времена без Пламенных. Да ты, точно умалишенный идиот, не затыкаясь говорил, что выжжешь это зло с лица королевства!

— Но я никогда не говорил, что не приму своего дитя, — прохрипел Джуллиан, — и никогда не говорил, что наврежу своей крови.

— Мой отец думает точно также, — упрямылась Ева, но Джуллиан слишком устал, чтобы спорить с ней. Молчаливо кивнув, он повернулся к ней, оставил легкий поцелуй на ее щеке и прошел к постели, желая крепко уснуть; а по пробуждению не зная не тревог, не страха, не боли.

***

В темнице становилось тепло, только когда возле решетки зажигали факел. Лиза грелась у его огня, прислонившись щекой к железным прутьям, но стоило бересте потухнуть, как каменные стены принимались морозить ее кожу. Благодаря Мире, она избавилась от сорочки, в которой ее заперли здесь, и теперь ее тело укрывалось теплой туникой с поясом и бриджами, а ступни грелись в высоких сапогах. Лучше бы вместо одежды ей принесли отмычку и мечи — с ними бы она протянула подольше, и уж точно не в этой каменной коробке.

Заботливая Мира тащила ей не только одежды, но и сносную еду: свежий хлеб, свеклу, запеченную репу, ветчину, и довольно часто она приносила рыбу. От рыбы Лизу мутило, а пресный вкус белого мяса возвращал ее к плаванию на корабле и к войне. Как бы не страдал ее разум в четырех стенах темницы, от этих воспоминаний она избавиться не могла, а гадкие рыбы потроха возвращали ее туда повторно. Странно, что Лиза не просила Миру прекратить таскать рыбу — наверное, эта треклятая еда была приятна этими воспоминаниями. С болью она приносила ностальгию, и когда девушка закрывала глаза, она нюхала вареное мясо и представляла себя в каюте рядом с Харви. Никогда бы не подумала, что чертово море будет вызывать в ней тоску и желание вернуться на борт. Скорее, ей хотелось этого лишь из-за Харви; его лицо иногда стиралось из ее памяти, но снова вырисовывалось, когда язык колотся о тонкие рыбы косточки. Нужно попросить Миру принести мне соли, ухмыльнулась Лиза, чтобы этот запах вновь вернул меня к морской волне.

Сменщик прежнего охранника был еще молчаливее; с первым она успела найти общий язык за обсуждением времени суток. Он, в отличие от второго, соизволял рассказывать девушке, в какой части неба стоит солнце. Если настроение у него было приподнятым, он даже вещал о погоде; благодаря их разговорам, Лиза узнала, что выпавший некогда снег почти полностью растаял. Первого охранника звали Ферби, но Лиза прозвала его Часами, потому что он часто обозначал, когда наступает день, когда ночь. Имени второго она не знала, но из-за его молчаливости она прозвала его Немым и нередко выкрикивала это прозвище, чтобы побесить его. Правда лицо его оставалось каменным — так может он просто глухой, а не немой? Соседи

по тюрьме были болтливее в разы, но беседовать с ними Лиза не любила. Большинство так сбрендило, что порой несло чепуху, от которой ей становилось жутко. Они говорили о лицах, залитых в прутья решетки, и о том, что мертвые глаза следят за ними по ту сторону. Еще иногда они говорят, что кашу им варят не на воде, а на моче — запах от тюремной стирки стоял такой скверный, что Лиза даже верила заключенным на слово.

На ступенях раздалися шаги — нерасторопное шарканье подошвы принадлежало Мире. Она спускалась сюда раз в три дня, но этого хватило, чтобы Лиза научилась различать ее походку от любой другой. Хотя к ней никто обычно и не спускался — отец забыл о ней в первый же день заключения, и все прочие сделали вид, словно Лизы больше не существует. Мира вместе с едой приносила и слухи, и странные истории о том, что происходит в столице, поэтому Лиза всегда радовалась ее приходам. В ней все еще таилась надежда, что однажды Мира принесет вести об Августе и Леи.

Девчонка прошла мимо клетки Лизы, чтобы отсыпать охраннику горсть медяков. Он был немым или глухим, но еще был падким на деньги, поэтому за лишнюю монетку с удовольствием нарушал устав. Другой, более разговорчивый, таким снисходительным не был, и он прогонял Миру всякий раз, как время приема заканчивалось. Первому было плевать — если заплатить чуть больше, он, должно быть, сам отдаст Лизе отмычку от камеры.

— Я принесла тебе булку с орехами, — Мира сняла с головы капюшон и протянула Лизе кулек. Девушка взяла его в руки и лениво развязала узел. Голод не так мешал ей, как желание выбраться отсюда, поэтому и ела она нехотя.

— Спасибо, — проговорила она одними губами и отломил кусок. Второй отломленный кусок она протянула Мире, но девчонка с усмешкой отказалась.

— Избирателей кормят весьма добросовестно, — сказала та, и Лиза ухмыльнулась. Она почесала свою грязную голову, в которой, небось, уже завелись вши — ванну она принимала так давно, что уже и забыла, какая наощупь теплая вода. Пила она только холодную воду, отдающую привкусом болота и металла.

— Есть, что на повестке дня? — равнодушно спросила Лиза, опираясь спиной на каменную стену. Благодаря прикормкам от Миры, она перестала истончаться до размеров веточки, и теперь лопатки не болели от прикосновений к твердой поверхности.

— Много чего, — придвинувшись ближе прошептала Мира, — много чего... непонятного. Что-то явно происходит, но господа и знать молчат, зато простолюдины в бедных кварталах обсуждают странности каждый день.

— Какие, к примеру?

— Некоторые говорят о том, что война за Бесславное море будет окончена проигрышем Эфирита, — Мира осмотрелась по сторонам, боясь, что их подслушивают. Единственными слушателями были обезумевшие заключенные, которые периодически переставили понимать родной язык, и охранник, что вполне мог и впрямь оказаться глухим, — армию частями возвращают в королевство, а Роксинбург, наоборот, становится сильнее.

— С чего бы? — нахмурилась Лиза. Она запомнила, как просто им далось взять Лучистую Гавань и выиграть в сражении на море, так что эти слухи казались ей глупой выдумкой.

— На восточной окраине живут мужчины, что служили в пехоте. Их вернули со второго берега, и они тут же принялись рассказывать друзьям и соседям о том, что Роксинбург закончил свою войну и вот-вот нанесет удар по взятым крепостям.

— Мой отец не допустил бы этого, — глубже нахмурилась Лиза, — он вернулся на другой берег?

— Нет, я часто вижу его во дворце, — покачала головой Мира. Лиза оторвала еще один кусок и закинула в рот, медленно пережевывая, — кажется, сам король Георг намерен вернуть всю армию в столицу, но пока подобных указов не было.

— Что еще?

— Предводитель Галлион набрал десятки новобранцев, и теперь учит их с большим усердием. Кажется, Избиратели будут еще страшнее, чем раньше.

— Неудивительно, — хмыкнула Лиза, радуясь, что темница защищает ее хотя бы от белой формы.

— Он освободил Избирателей от права биться на турнирах. Он отменил турниры, чтобы сократить риск смертности среди белых охотников.

— Это он зря. Избиратели очень любили набивать шишки на турнирах, — Мира выразила несогласие одним взглядом. Ей на турнирах не шибко понравилось, хотя о других она ручаться не могла.

— Еще среди крестьян ходят слухи, мол беглый сын Хорвата отправился на дальний север. Одни говорят, он спрятался в рудных шахтах, другие говорят, что его убили холода, но единицы уверены, что он собирает армию.

— Во дворце не было никаких заявлений по этому поводу?

— Нет. Все молчат, — или у Миры не было достаточных полномочий, чтобы знать о таких важных секретах, — но чувствуется, что знать опасается восстания Хорвата. Купцы, пребывающие с севера, пускают слухи о том, что Августин разгуливает по Норквилю.

— Невозможно, — отрезала Лиза, — Норквиль в крепком союзе со столицей. Лорд-наместник Рейси женат на родной сестре короля Георга. Норквиль бы не оказал поддержки изменнику.

— Не знаю, — пожала плечами Мира, — все, что я делаю — это слушаю, а не проверяю каждый пущенный слух. Я брожу по столице, как тень, и собираю шепот в тавернах и в бедных кварталах. Иногда вести крестьян куда правдивее тех, что оказываются в руках короля.

— С этим не поспоришь, — протянула на выдохе Лиза и прикрыла веки. Мира испуганно пискнула и отшагнула, когда под ее ногами пробежала крыса; серый грызун, шевеля усиками, забрался в соседнюю темницу.

— А еще, — на тон тише заговорила Мира, как только крыса перестала досаждать ей своим облезлым хвостом, — я видела сегодня Джуллиана во дворце. Он не был одет ни в белое, ни в доспехи, и ходил по дворцу, как у себя дома.

— Он должен быть на войне, — задумчиво заметила Лиза, но почувствовала странную радость от этой новости. Почему ее обрадовал приезд Джуллиана? Должно быть оттого, что у нее, помимо Миры, больше нет друзей в столице. Джуллиан никогда не был ее другом, но нынче ей не приходится выбирать из людей.

— Я поспрашивала у других Избирателей, и многие заявили, что Джуллиан прибыл не так давно. Он редко покидает свою спальню, где проводит время со своей женой, миледи Жене-вевой.

— У нее уже родился ребенок, — поняла вдруг Лиза, — наверное, поэтому советник Алакин вернул его в столицу. Не знаю уж, к добру или к худу он здесь. На войне от него пользы больше, чем в столице.

— Я помню, как он донимал тебя. Джуллиан — жестокий человек, очень опасный, — прошептала Мира так, словно они обсуждают выдуманного монстра из детских сказок, — он и меня, честно говоря, немного пугает.

— Приведи его сюда в следующий раз, — сказал вдруг Лиза, сама не ожидая от себя подобных просьб, — передай Джуллиану, что я здесь.

— Но зачем? — ахнула Мира, — все, на что он способен — злорадствовать над тобой.

— Может и так, — пожала плечами Лиза, — но, думаю, нам есть, что обсудить.

Глава 5

До сих пор не могу поверить, что с ношением повязки покончено. Мои два глаза открыты, и когда я поднимаю лицо в небо, нежный свет полумесяца ласкает мой взор. Золото левой радужки встречается с серебром звезд, и эта встреча кажется мне долгожданным свиданием. Ночь выдалась теплее, чем прошлые ночи в Норквиле, и снег стал мягким и липучим в руках — уже в ближайший месяц он будет таять. Чудеса продолжались; словно показав людям свое пламя, я вернула северу давно забытое солнце, и теперь оно греет их даже глубокой ночью. После того, как я загорелась на глазах сотни людей, кровь в моих жилах неустанно кипела. Сон, из-за водоворота эмоций, так ко мне и не пришел, поэтому вместо попыток заснуть я решила пройтись вокруг замка. Пар, выходящий из моих губ прозрачными клубням, был гуще, чем у других людей — потому что внутри я до сих пор горела и не знала, когда этот огонь погаснет. Работающие в поздний час кузницы смотрели мне вслед и шептали одну и ту же фразу: дочь Солнца. Они низко кланялись в мои ноги и вытягивали вперед руки, будто желая согреться о мое тело. Конюхи, таскающие мешки с кормом в конюшни, открывали рты, когда натыкались на мой золотой глаз. Северяне верили в таких, как я — и поэтому их лица разили не страхом, а изумлением, словно они долгие столетия ждали моего пришествия. Я не привыкла к такому вниманию и уже спустя полчаса мне захотелось спрятаться, но я запретила себе поддаваться этой слабости. Нужно принимать их восторг, любовь и веру, если я хочу впоследствии явиться в Черный лес и заручиться преданностью мертвых, а не живых.

— Дочь Солнца, — прошептала старая женщина, перегородив мне путь. Она была одета в шерстяное платье, а ее руки вплоть до локтя облепили кусочки теста и пятна от муки. Видимо, кухарка, — я всегда молилась Солнечному Богу, а не Буревестнику, как прочие глупцы. Поверьте мне, дочь Солнца, я никогда не изменяла своей вере...

— Я не собираюсь судить вас за веру, — непонимающе ответила я, заметив, как она едва сдерживает слезы. Ее тяжелые плечи потряхивало, сухие ладони, коричневые и дряхлые от старости, тянулись ко мне.

— Сжальтесь, дочь Солнца, над моими сыновьями. Они отрицали власть вашего Бога-отца, и в битвы их вел Буревестник, но я готова сама отплатить за всю ересь...

— О чем вы? — ахнула я, когда увидела, как женщина собирается встать на колени. Я ухватила ее за руку, не давая разлечься возле моих ног, — я не дочь Бога, и не та, кто вправе решать, кому во что верить.

— Вы слишком милы, госпожа, — всхлипнула женщина, — среди нас, простых слуг милорда, разразилось много споров. После того как люди увидели ваш дар воочию, всех, кто не отрекся от Буревестника, принялись судить и бить кнутом. Отцы бьются против сыновей, братья против братьев... говорят, они вынудят ответить всех, кто не выкажет вам покорности...

— Это ужасно... Это неправильно! — не думала, что мое выступление с огнем так повлияет на людей, — я не хочу, чтобы люди умирали за меня. Мне ни к чему их борьба здесь, в Норквиле. Если они хотят сражаться за Солнечного Бога и за его волю, пусть вступают в армию, которую мы поведем на столицу.

— Они никого не слушают. Этой ночью, пока милорд крепко спит, в подземных кузницах творится произвол, — продрожала та и вытерла слезы с морщинистых щек, — моих сыновей, что ковали эфесы мечей с ликом Буревестника, подвесили на цепях и несколько раз ударили горячей плетью.

— Вы просили стражу остановить беспредел?

— Стража милорда сама полна беспорядков. Они не бьют друг друга сталью, но бранят словом. Боюсь, сейчас разлад властвует во всех кругах.

— Тогда огонь поможет нам, — с железной решительностью заявила я, и женщина посмотрела на меня с надеждой, — приведите меня в подземные кузницы, и я успокою людей.

— Благодарю вас, милосердная дочь Солнца, — женщина повела меня в башню, а оттуда к винтовой лестнице к кузницам. Жар тянулся снизу еще более явственный, чем в прошлый раз, когда я спускалась сюда. С первых ступеней я слышала громкие возгласы мужчин, звон раскаленной стали и такие ругательства, что от них вяли уши. Доносились и жалобные крики тех, кого наказывали за неподчинение, и тех, кто умирал от тяжелых ран. Я попросила кухарку остаться наверху, дабы ее случайно не задела восставшие.

Держась рукой за стену, я чувствовала, как накалился камень. Даже ступени под моими ногами едва не плавилась от хозяйствующего внизу жара. Чем ниже я спускалась, тем горячее раздавались споры и ругань. Сойдя с лестницы, мои глазам предстала ужасная картина: одних мужчин хлестали раскаленной корчагой, других ставили на колени и под угрозой кнута вынуждали молить о прощении. Прибитый к стене щит с ликом Буревестника окрасили человеческой кровью и украсили его глубокими вмятинами.

— Ваш лже-Бог чуть не увел нас от истины! — кричал крепкий мужчина, оголенный по пояс. Он гонял парня помоложе, что уворачивался от его тяжелого топора и укрывался всем, что под руку попадет: табуретами, толстыми слитками руды, посудинной.

— Вы все верили в него с не меньшим усердием, чем мы! — отвечал криком тот, бегая от одного угла к другому. Еще три мужчины, вооружившись копьями, тыкали ими, подгоняя двух других к стене. С застывшим на лице шоком я заметила валяющийся на полу труп, что нещадно топтали разъяренные люди. Два парня, подвешенные на крючки, свесили вниз головы; на их оголенных торсах зияли следы от раскаленной плети. Это и есть сыновья бедной кухарки, что пришла молить меня о помощи.

— То, что к нам спустилась дочь Солнца, еще не значит, что Буревестник должен быть изгнан из наших сердец, — смелый мужчина с длинным седовласым хвостом схватил мачете и отрубил руку другому, что держал топор. Отрезанное по локоть предплечье с яркими кровавыми брызгами свалилось на пол, и я зажмурилась, увидев торчащую кость. Мужчина заорал, свернувшись пополам, и схватился за порубленную руку, смотря на нее глазами, полными ужаса.

— Солнечный Бог покарает вас всех пламенем своей дочери, — процедил он сквозь зубы, валяясь на полу рядом со своим предплечьем.

— Прекратите, — вырвалось из меня, но мой голос мигом растворился в чужих криках. Никто не заметил моего требования, и я повторила громче, — прекратите это, немедленно! — мужчины не слышали мой крик, поглощенные своим безумством. Они продолжили драться, кто на голых кулаках, кто с мечами и топорами. Не выдержав, я пустила из ладони огонь, и ударила им по стене, как хлыстом. Камень потемнел ожогом, отпечатавшимся черной лентой вдоль стены. Люди мгновенно затихли, смотря то на огненный хлыст в моих руках, то на стену.

— Дочь Солнца..., — изумленно прошептал кузнец с пышной черной бородой. Он вырвал из руки небольшой топорик и осмотрел людей требовательным взглядом, — на колени перед дочерью Солнца!

— Не нужно вставать передо мной на колени, — резко заявила я, махнув рукой с огненным хлыстом. Теперь он оставил выжженный след на ровной кладке пола, — мое происхождение ничуть не выше вашего. То, что мне подвластен огонь, не делает меня госпожой.

— Но вы дите Безликого, миледи, — мягким голосом пролепетал чернобородый кузнец, сложив оружие острием вниз, — и вы пришли к нам, чтобы покарать неверных, тех, кто забыл вашего отца.

После того, как я прошла мимо людей, окутанная пламенем, в замке стало тихо и спокойно. Никто не гнался за мной и не задавал сотню вопросов, даже дети милорда Рейси отнеслись ко мне с молчанием. Я думала, тот маскарад окончится лишь негласным восхищением

среди крестьян и почтенным взором среди господ, но, как оказалось, все это время вплоть до текущей ночи люди делились на два лагеря.

— Мой отец был простым охотником, а не Богом, — ответила я с гордо поднятой головой, будто бы на самом деле все было наоборот, — и пришла я сюда не за тем, чтобы наказывать тех, кто предан Буревестнику. Неверные Солнцу выглядят иначе. Истинные неверные желают смерти детям солнечных ангелов, — я с грустью осмотрела двух умирающих парней, подвешенных за конечности у стены. Я не позволила другим помочь мне и собственными руками избавила кузнецов от плена. Они, покачиваясь на ногах, шипели от боли и с трудом держали разум в сознании. Я помогла им сесть на табуреты и попросила принести бедолагам воды; парочка кузнецов, смотрящих на жертв с презрением, нехотя подчинились моей просьбе. К сожалению, раны их я исцелить не могу, а Пламенные пока лишены свободы и не могут помогать простым людям.

— Вы не питаете ненависти к тем, кто почитает другого Бога? — осторожно спросил седой мужчина с двумя кинжалами на поясе. Изящная сталь была запачкана чьей-то кровью.

— Нет, — выдохнула я, вновь оборачиваясь к небольшой публике, — я питаю ненависть лишь к тем, кто желает зла одаренным детям.

— Ваши речи благородны и милы нашим сердцам, дочь Солнца. Но, увы, красивые речи не образумят народ, покоренный вашим огнем, — с досадой проговорил другой мужчина, низкий и плечистый, — мы прекратим вражду, но в замке полно других людей, кто не желает останавливаться. Их нужно призвать к благоразумию.

— Завтра мы с милордом Рейси обсудим, как успокоить народ, — беседа слегка усмирила пыл недовольных; они сложили оружие и перестали ругаться. Надеюсь, с моим уходом они не вернуться к насилию. Кто знает, может они делают понимающие лица лишь для моего спокойствия, а как только я вернусь в спальню, тут начнется настоящая война, еще похлеще той, что должна случиться между мной и Алакином.

Меня снова провожали их восхищенные взоры и тихие молитвы. Краем глаза я заметила, как снимают помятый щит с ликом Буревестника со стены, чтобы отмыть его от кровавых следов. Успокоившиеся кузнецы умело сделали вид, словно не кромсали друг другу кости часом раньше, и вернулись к своему ремеслу. Уж не представляю, сколько горестей совершат другие люди, пока не взойдет солнце и не проснется милорд Товен Рейси.

В остальных углах замка было, однако, безмятежно. Часовые молча следили за порядком возле врат, рыцари несли караул вблизи комнат господ. Если где-то и происходят споры насчет веры, то они надежно прячутся. Ложилась спать я с беспокойно бьющимся сердцем, и проснулась с ним же. Небо посветлело, и людей на улицах города стало больше. Умывшись в тазу холодной водой, я приделась в платье из окрашенной в красное шерсти и вышла из спальни.

На устах прислуги и встречаемых на пути господ все еще звучало мое новое прозвище, и они неустанно его повторяли, как молитву. Служанка, говорящая с конюхом о моей невероятной силе, прикусила язык, как только я подошла ближе. Я спросила ее, где мне найти милорда Рейси, и она отвела меня в его личный чертог, где он проводил утро со своей семьей. В маленькой хорошо отопленной комнате были накрыты столы с завтраком; милорд Товен Рейси трапезничал рядом с сыном, дочерью и женой. Вид у них по-утреннему сонный, или же опечаленный выходкой леди Софии накануне. Чувствовалось, что им неудобно после того, как миледи осмелилась сжечь свою гостью дотла. Как только двери за мной закрыла стража, семья лорда отвлеклась от мисок с кашей.

— До сих пор мне чудится, словно увиденное вчера лишь сон, — произнес Феодор, отлипнув от стула, — Лея, ты так и не получила извинений от моей леди-матери за ее грубость, — попытка убить меня на глазах Августина была чуть больше, чем простая грубость, но я не стала осуждать Софию перед ее же детьми. В любом случае, я зла на нее не держу, и даже

несколько благодарна; из-за ее выходки, я смогла избавиться от повязки и принять себя со своим даром.

— Матушка не имеет привычки извиняться, — фыркнула Иванна, скинув толстую косу с плеча. Сегодня, несмотря на усталость, леди казалась как никогда красивой: темно-синее платье подчеркивало линию ее груди, чистые волосы блестели, как хрусталь, — она не встает на колени, даже молясь Солнечному Богу.

— Я пришла к вам не за извинениями, — спокойно проговорила я, встретившись взглядом с удивленной леди Софией. Она неловко ковыряла овсянку ложкой, словно боясь заговорить вслух после случившегося, — у меня есть срочное дело к милорду Рейси.

— Полагаю, дочери самого Солнца я обязан своим вниманием, — по-доброму хохотнул мужчина, поворачиваясь ко мне всем телом, — вижу, ты и вправду не зла на мою своенравную жену. Но скажи хоть слово, и я накажу ее за попытку казнить тебя.

— К чему эти прелюдии? — проворчала леди София, сложив руки на груди, — никто ведь не умер, так чего бубнить? Более того, Лея стала едва не важнейшей персоной в нашем городе. Слухи о ее славе пойдут и дальше с течением времени. Можете сказать мне спасибо за то, как я превратила ее из крестьянки в знатную леди за одно утро.

— Ты продолжаешь дерзить, София? — нервно ответил Товен, стукнув кулаком по столу.

— Все хорошо, милорд, — вмешалась я, сделав шаг вперед. Дети Софии рассматривали меня в любопытстве, особо долго выдерживая взгляд на золотом глазу, — я не хочу ссоры с вашей женой. Она отчасти права — я все еще жива, и это самое главное.

— Боги берегут тебя не просто так, — улыбнулась Иванна, — и твоя доброта самый верный тому знак.

— Я творила вещи и похуже, чем леди София, так что ее гнев мне понятен, — случайно вспомнила убитых мною Избирателей, кукловодов, горящих в моем огня Жучка и Тиану. С горечью осознаю, что все, кто зовут меня милосердной дочерью Бога, сильно заблуждаются, — но у нас есть проблемы серьезнее, чем гнев миледи. Люди, верующие в двух разных Богов, враждебно настроены друг против друга. Нам нужно укротить их, пока они не стали камнем преткновения в грядущей войне.

— Последователи Буревестника стали жертвами тех, кого взволновала твоя выходка с огнем? — ухмыльнулась леди София так, будто эта новость ее не удивляет, — вот ведь незадача. Воины перебьют друг друга еще до того, как мы двинемся в путь до столицы.

— И чтобы этого не произошло, вы должны выступить перед народом, милорд, — Товен задумчиво смотрел в окно, видимо размышляя, как поступить с людьми, — убедите их, что истинный враг на юге, а не на севере.

— Хорошо. Я прикажу созвать людей к стенам замка и дам им свое слово, — милорд поднялся, держась за спинку стула, — но ты должна быть рядом, чтобы поддержать меня — он вновь по-доброму улыбнулся, шагая к выходу, — к вечеру армия покинет город вместе с вами. Нужно сделать так, чтоб большинство выжило до этого часа.

— Я пойду с вами! — тут же взбодрился Феодор, прискакивая к дверям, — хочу увидеть, как ты загорисься.

— Я не собираюсь снова возгораться, милорд, — неловко улыбнулась я, и парень приуныл.

— Феодор останется в замке и будет ждать момента, когда армия отбудет к столице, — отрезала София, взяв в руки чашу с вином, — ты ведь хотел вести войско в бой, мальчик? Так вот не свети лицом до этого момента. Не встревай в религиозные войны, если не хочешь оказаться крайним. Твой отец справится и без тебя, — она посмотрела на меня ехидными глазками, спрятав ухмылку за гранями чаши, — тем более, что твой отец будет под защитой самой дочери Солнца.

— Ладно, — недовольно протянул парень и плюхнулся на стул рядом с леди Ивановой, — спасибо и на том, что пускаете меня в битву.

Нас сопровождали вооруженные рыцари числом в двадцать человек. Они вели нас к балкону, заснеженному почти до перил. Прислуга вычищала его от снега лопатами, но к вечеру его снова устелют белые холмики. По пути к нам присоединился Августин; он украдкой доложил, что с трудом разнял толпу крестьян у врат замка, что опять столкнулись из-за расхождений в вере.

— Люди все еще взбудоражены, — мельком прошептал он мне на ухо, держа ладонь на рукояти, — твой огонь воспламенил их кровь.

— Слово лорда Норквилля ее потушит, — кратко ответила я, и мы продолжили путь молча. Август с улыбкой косился в мое лицо, больше не спрятанное за повязкой. В его взгляде так и читалось: я и не думал, что этот день когда-нибудь настанет. День, когда я смогу смотреть на мир золотым глазом.

С балкона, где собрался выступить милорд, виднелись двory замка и просторные земли перед вратами. Каждый клочок земли усыпан людьми разных сословий, возрастов и полов. С приходом Товена Рейси толпа в миг затихла, избавившись от легкого шепота; многие презренно оглядывали других, выискивая среди них еретиков, но грозный вид лорда-наместника стер с их лиц недоверие и враждебность. Жизнь в городе остановилась в эту минуту: повозки затормозили, прилавки опустели, кузницы перестали источать серый дым. Некоторые из слушателей встали на колени, как только заметили меня возле лорда, и я пожалела о том, что не могу приказать им встать.

— До меня дошли скверные слухи о том, что прежде родной друг другу народ обратился в чужаков, — вступил громким басом милорд, и рыцари, стоящие по периметру, взяли за мечи, на случай если напористая толпа начнет беспорядки. Сидящие на башнях часовые наострили арбалеты и луки, — за один день вы умудрились превратить родственников и друзей в своих врагов. И чему причина? Вера? — люди косились друг на друга, — в Норквиле, как в любом другом северном городе или же деревне, всегда верили в двух богов: в того, кто пришел с юга, и того, кто был рожден на севере. Еще никогда это соседство не было причиной для ссор и войны. Так что же изменилось?

— К нам явилась дочь Солнца! — выкрикнула из толпы грудастая женщина с маленьким ребенком на руках, — и она открыла нам глаза на правду!

— Она пришла, чтобы наказать неверных! — подхватил мужчина, одетый, как богатый господин. Таким, обычно, побоку от веры.

— Солнце изгонит зиму навеки!

— И холода уйдут, и снега, от одного взмаха ее руки!

Удрученный вздох сам слетел с моих губ. Я посмотрела на Августина, умоляя его придумать достойный ответ тем, кто перевернул нашу миссию с ног на голову. Но Август, как и свита лорда, слушал выкрики людей с широко открытыми глазами. Даже его сбили с толку. Милорд Товен Рейси не отворачивал от людей головы и облокачивался на ограду всем весом, внимательно выслушивая их возгласы.

— Вы все ошибаетесь, — громче заявил он, — наша столичная гостья прибыла сюда не за тем, чтобы прогнать зиму и покарать тех, кто верит в Буревестника. Ее огонь не способен изменить север, как и не способен превратить его в жаркий юг, и нет в мире той силы, что вправе сотворить такое чудо, — люди снова притихли, но где-то вдали, в самом хвосте толпы, заплакал младенец, — У нас впереди есть испытание куда суровее, чем разногласия в вере, и враги куда серьезнее, чем те, что носят щиты с ликом Буревестника. Враг наш обитает не в этом городе, даже не в этом уголке королевства. Он находится дальше, и греется он под теплым солнцем. Наш истинный враг сидит в столице, и чтобы свергнуть его, дочь Солнца прибыла к нам за поддержкой.

— Вы готовы поддержать меня? — слова сами вырвались из меня, когда я заметила сомнения в бледных северных лицах, — готовы ли вы сражаться за дочь Солнца, или ваша вера заканчивается на драках против своих же сынов?

— Кто есть больший враг, чем неверный? — выкрикнул из толпы молодой парень с пятнами от черного кузнечного дыма на меховом жилете. На его щеке красовался алый ожог, и половина брови была спалена, — против кого вы хотите биться, дочь Солнца?

— Против тех, кто несет погибель детям ангелов. Пламенных жаждут искоренить, и я не могу позволить этому случиться, — я махнула рукой и случайно призвала огонь; пламенное крыло вспорхнуло вдоль предплечья, и публика шумно ахнула, — уверена, среди вас есть люди, что потеряли близких в молчаливой войне. Матери, у которых забрали златоглазых детей, братьев, у которых забрали златоглазых сестер. Я желаю одного — отомстить всем, кто стоит за этим произволом. Война должна быть не в этих стенах — а в стенах столицы, — я видела взгляды женщин, что смотрели на меня, преодолевая боль. Казалось, они вспоминали украденных Избирателями детей, и каждое мое слово ранило их сердца.

— Норквиль дал дочери Солнца армию, но каждого, кто желает биться за нее, мы все еще с радостью ждем в своих рядах, — подытожил милорд и отошел от перегородки балкона, стряхнув с красных от холода палец мокрый снег, — повторю напоследок: я приказываю вам прекратить эту глупую вражду, пока она не переросла в ненужную нам войну. Каждого, кто будет разжигать ненависть на почве веры, будет ждать суровое наказание, — милорд, дав последнее слово, покинул балкон под взбудораженные возгласы толпы. Они поднимали кулаки вверх, призывая друг друга следовать за дочерью Солнца. Не тронь ближнего, чтобы с ним ударить по истинному врагу — говорили они сквозь боевой рев публики.

— Северные люди, на удивление, податливы, — проговорил Августин, когда мы ушли вглубь замка, — гораздо податливее столичных людей. Они бы упирались до последнего.

— Их упрямство не от большего ума, — навстречу нам вышла Аглая, что следила за выступлением короля с другого окна. Она улыбалась одними концами губ, смотря то на меня, то на Августа, — у северян чуткое сердце. Оно подсказывает им, за кого поднять мечи. Победа уже почти в наших руках.

— Не будем радоваться раньше времени, — тут же сбавил обороты Август, выставив руку, — мы еще не знаем, что ждет нас в Аванхолле.

— Будущее откроется нам совсем скоро. Сегодня мы идем в бой, — пожал плечами Аглая, — через месяц, если следовать на юг без долгих остановок, мы уже прибудем к стенам Аванхолла.

— Немалый срок, — прошептала я, — Алакин успеет что-то предпринять до этого дня.

— Возможно, — хмыкнула женщина, не придавая серьезности нашим худшим прогнозам. Интересно, откуда у нее такая сильная вера в лучшее? — а пока, у нас полно других забот. Августин, тебе следует еще раз извиниться перед леди Ивановой за свой отказ.

— Я уже извинялся перед миледи, — сразу воспротивился парень, по-детски надув щеки, — она проявила понимание.

— Она — юная девушка, не привыкшая к тому, чтобы получать отказы, — настаивала Аглая, уводя Августина под локоть, — ее нежные чувства были задеты сильнее, чем тебе кажется. Пока не оставили замок, тебе нужно извиниться, как следует.

— В чем я так провинился? — бубнил парень, удаляясь вместе с женщиной от меня. Я смотрела им в спины с легкой улыбкой, забавляясь с того, как вредничает Августин, — я выбрал женщину, с которой хочу встретить старость, и всего-то. Это дело касается только меня и Леи.

— Как же ты еще юн и неопытен, Августин, — хохотнула Аглая, и они скрылись за поворотом. Ему предстоит еще раз просить прощения у Ивановны, но что делать мне? Вернуться в свою спальню и ждать часа, когда войско двинется из города? Могу провести это время за

молитвой, пускай к ней я обращаюсь нечасто. Сегодня благословение Солнечного Бога нужно нам, как никогда прежде.

В пути к своей комнате мне встретился знакомый старец по имени Власий. Тот самый, кого я встретила в библиотеке. Даже стоя на двух ногах он был низким; рост убавлял выросший на спине небольшой горб, что тянул его грудь к полу. Синяя мантия путалась в его ногах, развиваясь на пыльному полу слабым вихрем от задувавшего с окна ветра. Шагать ему помогал посох из темного дуба с закорючкой в виде полумесяца сверху; он облакачивался на деревяшку, делая тяжелые шаги вперед. Он казался таких хрупким, словно его могла разрушить взбесившаяся метель. Сначала он смотрел в бок, на ряд открытых от ставней окон, но потом он перевел взгляд на меня и остановился. Его перепачканная чернилами правая рука спряталась в складках мантии, вторая все также держала посох.

— Дивное же зрелище ты устроила, — проговорил он звонкой хрипотцой, — Эфирит много лет подобного не видывал.

— Люди и правда не каждый день видят, как человек выходит из огня целым и невредимым, — улыбнулась в ответ я, но Власий покачал головой.

— Твое пламя тут не причем. То, как ты орудовала огнем, чудеса и не больше. Я про то, как ты погасила раздор между людьми, — он приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки и заглянул прямо в глаза, — так поступает лишь тот, кому по силам овладеть беспокойным проклятием Черного леса, — от его глубокого голоса и пронзительного взгляда становилось душно, — покорив сердца живых людей, тебе будет проще покорить и сердца мертвых.

— Думаете, у мертвых есть сердца? — на выдохе спросила я, и Власий улыбнулся шире, а после обошел меня стороной.

— Одно сердце на всех. И бьется оно в твоей груди, — сказал он и пошел дальше, будто меня здесь нет.

Не люблю людей, что говорят загадками, потому что во мне недостаточно ума, чтобы их разгадывать. И все же, намек старца был весьма очевидным. Может, свершенной мной объединение северян и станет доказательством для упрямой нечисти.

Вернувшись в комнату, я начала вопрошать у солнца легкой победы. О том, чтобы войско лорда Норквилля без трудностей добралось до Аванхолла, чтобы мы взяли город без больших потерь, чтобы оттуда дошли до столицы и схватили Алакина — хоть живым, хоть мертвым. Сидя на коленях на холодном полу, я потеряла счет времени: небо заливалось разными цветами, но как только оно порозовело, в мои покои вошел Августин.

— Пора, — кратко сказал он, прикрыв двери. В этом емком слове было много смысла: пора свершить историю, так я его понимала.

Августин заметно взволнован. Нам предстоял непростой поход, но благо, хотя бы погода нам благоволит: снега не валят на головы, метели не слепят взор, а холода не проедают кожу до костей. Все эти невзгоды пугают других, но не меня; мой огонь спасет и от льда, и от стали. В руках Августа я увидела свои доспехи, подаренные милордом Келли в Селледо — он принес их для меня, не идти же на войну в платье? Сам Августин тоже был снаряжен с ног до головы и уже готов рваться в бой. Он подошел к кровати, оставил броню на простынях, а после повернулся ко мне и принялся раздевать от прежних одежек. Сжав челюсти, он наблюдал за тем, как шерстяной верх скатывается по моим плечам и грудям к полу; затем он стянул широкие штаны, что северянки носят под юбкой. Я, затаив дыхание, стояла смиренно, изредка ощущая, как его пальцы задевают мою оголенную кожу.

— Мы не можем предсказать, что будет дальше, — прошептала я, представ перед ним в одном нижнем белье. Август тучно кивнул, вода взглядом по моим скромным изгибам.

— Не можем.

— И не знаем, что случится завтра, — продолжила я, и он сделал шаг ближе. Его неровное дыхание опаляло мой лоб.

— Не знаем.

— Кто-то из нас погибнет раньше, чем мы подойдем к столице.

— Кто угодно. Аглая, Роббин, милорд Феодор или я, — прошептал он, касаясь ладонью моей щеки. — погибнет любой, но не ты. Ты не можешь пасть от меча или стрелы.

— Могу, — сглотнула я, ласкаясь о его руку, — в битве, где будет много врагов, а не два десятка, как раньше, я могу умереть, как и любой другой смертный.

— Я не позволю этому случиться, — его рука плавно упала на мою талию, так аккуратно, что я невольно прикрыла веки, — от тебя зависит слишком много. И главное — я сам.

— Ты так спокойно принял мысль о том, что сам не переживешь эту войну, — опустив голову произнесла я, и Августин тихо усмехнулся, подняв мое лицо к нему за подбородок.

— Потому что я ничего не значу в этой битве. Ты же значишь абсолютно все.

— Не смей так просто принимать свою смерть, — я отшагнула назад, — не смей так просто говорить о том, что твоя жизнь бессмысленна. Ты сделал меня своей женой, так не сделай меня вдовой.

— Такова суровая правда, — спокойно ответил он, шагая ко мне, пока я продолжала отступать назад, — от моей смерти мир не рухнет. От твоей — расколется надвое.

— Мне тошно от твоей суровой правды, — слезы подкатили к глазам, пускай я их совсем не ждала. Волнение от незнания нашего будущего, страх потерять Августина — все это смешалось и встало поперек горла, — ты всегда говоришь не то, что хотят слышать другие люди.

— Это цена честности, — он хотел взять меня за руку, но я откинула ее. Горечь мешала мне проявлять нежность. Я обошла Августина, направляясь к кровати, где он оставил мои доспехи. Дрожащими руками я пыталась натянуть рубаху и штаны, прежде чем укрыться стальнойю, но Августин выхватил одежду из моих рук и откинул ее в угол комнаты, — ты правильно заметила, что я сделал тебя своей женой. Теперь ты не должна перечить мне и отворачиваться от меня.

— Тогда не носи чепуху, — выпалила я, сложив руки крестом на груди. Августу не понравился и этот жест, потому он взялся за мои предплечья и опустил их вдоль тела, — скажи мне, что не позволишь смерти забрать тебя раньше срока. Обещай, что не погибнешь на поле боя.

— Как я могу обещать тебе то, над чем сам не властен? — усмехнулся он, и я цокнула, закатив глаза. Августина это лишь рассмешило, — Лея, ты не умеешь злиться.

— Ты видел меня в гневе, — я снова захотела взять одежду, но Августин не дал сдвинуться с места, — забыл, как я сжигала Избирателей? Как горел Неказистый переулок? Покажи мне хоть одного человека, чья злость была бы страшнее моей.

— Хочешь и меня спалить заживо за то, что я не бессмертен? — нагло ухмыльнулся он, заведя мои руки за спиной. Я уперлась грудью в его стальной панцирь, ощущая сосками его холод.

— Вот и хочу, — обиженно проворчала я, — за то, что не умеешь быть ласковым на словах со мной.

— Если переживу грядущую войну, то обязательно научусь.

— Это все? Ты пришел ко мне, чтобы переодеть меня в доспехи и напугать своей кончиной? — вырываясь пробурчала я, но Август крепче сжал мои руки за спиной. Прижав меня к своему панцирю плотнее, он стер с лица ухмылку, и глаза его потеплели.

— Не только за этим, — он нагнулся, оставив поцелуй на моих губах. Я перестала брыкаться в его руках и застыла, ощущая, как разгорячилась кровь от прикосновений его губ. Августин сместил руки на мою талию, изредка поднимая их выше, к груди и лопаткам. Как только поцелуй затянулся, зародив в нас желание перейти дальше, он отстранился, тяжело дыша, — как только окончатся наши битвы, обещаю, что проведу с тобой брачную ночь, как подобает.

— Сам сказал, что можешь не вернуться, — тихо проговорила я в его губы, — так зачем тянуть? — я опустила пальцы к линии белья, и Август зажмурил веки, — проведем брачную ночь прямо сейчас.

— Твои шансы выжить в войне с ребенком в животе значительно поубавятся, — взволнованно заметил он, перехватывая мои пальцы, чтобы я не успела обнажиться догола перед ним.

— Не всегда дети появляются после первой же близости.

— Нам ни к чему эти риски. Я долго ждал, и могу подождать еще, — он прислонил мои пальцы к своим губам, оставив на них поцелуй, — желание овладеть тобой сделает меня чуть более бессмертным, — его шутка вызвала лишь грустную усмешку. Поцеловав меня еще раз напоследок, он отстранился, и теперь позволил мне одеться. В этот раз он отвернулся, чтобы не разглядывать то, что положено ему лишь после долгих сражений.

Одевшись в доспехи, я завязала волосы в две косы, и мы с Августином вышли вниз. В гостевом чертоге первого этажа собралась вся семья лорда, чтобы попрощаться с единственным сыном. Милорд Феодор улыбался во все зубы, красуясь своей начищенной броней с солнцем на одном плече, и ликом Буревестника на втором. Сестра и отец, тем не менее, его восторга не разделяли: Иванна плакалась в объятиях матери, отец недовольно смотрел сыну в лицо. София, сохраняя в глазах строгость, тоже не выглядела радостной.

— Попробуй оставить Норквиль без наследника, и я спущу с тебе три шкуры, — проговорила миледи сквозь стиснутые зубы, но Феодора ее угроза ничуть не испугала.

— Зачем тебе спускать три шкуры с мертвеца? — задорно ответил он, осматривая себя по бокам.

— Найду способ воскресить тебя и снова убью, — сердито ответила София, но теперь она звучала, как взволнованная мать, отпускающая на войну родного сына. Иванна от их разговоров заплакала пуще.

— Постарайся сделать так, чтобы я гордился тобой, а не оплакивал, — сказал милорд Рейси, обнимая сына за плечи, — иначе поступлю с тобой, как и описала твоя мать.

— Прекратите. Вы пугаете меня, а не его, — всхлипнула Иванна, утирая щеки пальцами, скрытыми за кожаными перчатками. В чертог, помимо нас, спустилась Аглая, одетая в кольчугу и штаны, и Роббин, одетый в подаренные лордом Келли доспехи. Я заметила, что у Аглаи за спиной торчал лук и колчан стрел — уж не думала, что она и впрямь будет сражаться бок о бок с нами.

— Теперь от вас зависит не только судьба Пламенных, но и судьба Норквилля, и нашей семьи, — произнесла София, переводя взгляд на меня. В ее словах чувствовался укор, — постарайтесь не похоронить себя вместе с честью нашей фамилии.

— Постараемся, — выдавила из себя я с неловкой улыбкой.

— Ты же сама видела, как Лея орудует огнем, — восторженно проговорил Феодор, опуская руку на мои плечи, — как можно бояться за тех, кому подвластно пламя?

— Пришла весна, и столицу, небось, омоют дожди. Как бы и ваш огонь под ним не потух, — все, что ответила леди София, прежде чем удалиться с чертога. Напоследок она удосужилась одарить меня легкой улыбкой и ободрительным кивком.

— Командиры уже повели войско к выходу из города. Вы последуете верхом за ними, — оповестил милорд Рейси, ведя нас к воротам замка. На крыльце поджидали пять скакунов, в числе которых я увидела и Рейджи, облаченного в броню.

— Я хотел вести войско, — надулся Феодор, запрыгивая на бурую лошадь, чем-то напоминающую мне Искру. Его лошадь была массивнее в разы, но расцветка была точно такой же. Мне подвели лошадь с черными пятнами на серых боках, Аглая оседлала пшеничного коня, похожего на Песчанку, Роббин оседлал лошадь молочного цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.